СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА

МЛАДШІЙ ВОЗРАСТЪ.

ІЮНЬ 1869 ГОДА.

То зеркало лишь хорошо, которое
вѣрно отражаетъ.

Кн. 50

ФЛЕЙЩИКЪ.

(*Окончаніе*).

Митя мчится за брагомъ.

Мы сказали уже, что Бородинская битва не имѣла послѣдствіемъ разбитіе или уничтоженіе какой-либо изъ воюющихъ армій: какъ русскіе, такъ и французы дрались храбро, не уступая передъ непріятелемъ.

Послѣ сраженія, наши войска потянулись по направленію къ Москвѣ. Подъ стѣнами Бѣлокаменной былъ собранъ Кутузовымъ совѣтъ генераловъ, которые положили безъ боя отдать столицу непріятелю.

3-го сентября 1812 года французы вошли въ Москву, ожидая торжественной встрѣчи; но на этотъ разъ русское гостепріимство очень солоно показалось незваннымъ гостямъ. Москвичи жарко натопили баню для нихъ и французская натура не выдержала такого тепла. Страшный пожаръ, охватившій весь городъ, дѣлалъ невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе въ Москвѣ; къ этому еще подоспѣлъ трескучій морозъ съ вьюгами и мятелями.

Непріятель горѣлъ въ стѣнахъ древней столицы, мерзъ внѣ ея и голодалъ какъ волкъ, попавшій въ степь. Отряды голодныхъ мародеровъ, которыхъ наши крестьяне такъ удачно назвали *міродерами*, разсыпались по окрестнымъ деревнямъ, грабя все, что только попадалось подъ руку и на голодный зубъ. Но дорого, очень дорого приходилась имъ добыча. Летучіе отряды партизановъ и козаковъ часто заставляли ихъ разставаться съ добычею, награбленною по деревнямъ; притомъ и крестьяне, отстаивая родныя села и одушевляемые примѣрами помѣщиковъ, вооружась дрекольями, вилами и топорами, отражали нападающихъ мародеровъ. Даже бабы, промѣнявъ веретено и самопрялку на ухватъ и дубину, ратоборствовали съ витязями Наполеоновой арміи.

Въ то время, какъ французы заняли Москву, старикъ Емельянычъ, отецъ Мити, вышелъ за дряхлостью лѣтъ изъ ополченія и снова сталъ старостою въ одной изъ подмосковныхъ деревень.

Нашъ молодой герой, такъ счастливо избѣжавшій смерти, не отдѣлался-таки отъ болѣзни и почти недѣлю отлежалъ въ горячкѣ, перевезенный отцомъ въ деревню. Зима въ 1812 году началась очень рано и морозы стояли жестокіе.

Смеркалось. Митя, уже начавшій оправляться отъ своей болѣзни, сидѣлъ у окна избы. Отца его не было дома, и больной очень скучалъ. Ему было грустно, такъ грустно, что онъ даже готовъ былъ заплакать; неотвязная мысль о томъ, что неприлично ему подолѣе остаться въ рядахъ царскихъ войскъ, защитниковъ родины, не давала ему покоя. — „Что теперь братъ мой? Живъ ли сердечный? О! Господи“, — прошепталъ юноша, — „сподоби меня опять стать въ ряды славныхъ спасителей родины! Какъ былъ бы я тогда счастливъ! какъ обрадовалась бы душа моя при звукахъ знакомаго барабана и брянцанія оружія!“

Митя чрезъ силу договорилъ послѣднія слова, слезы навернулись на его ресницахъ и тяжелое рыданіе вырвалось изъ груди юноши.

Въ это время въ избѣ скрипнули двери и въ нее вошелъ старикъ Емельянычъ. При первомъ шагѣ за порогъ, онъ снялъ шапку, набожно помолился святымъ иконамъ и потомъ съ веселою улыбкой спросилъ сына:

— Ну, что ты, мой соколикъ, головушку повѣсилъ?

— Такъ, батюшка, нерадостно. Пусти меня, продолжалъ Митя, помолчавъ съ минуту; я пойду и пристану къ какому-нибудь отряду партизановъ или...

— Христосъ съ тобой. Полно, мой соколикъ.

— Пусти, батюшка, повторялъ Дмитрій, — и то, мнѣ кажется, право, я отъ тоски умру скоро.

— Ахъ Митя, Митя — отвѣчалъ отецъ, покачавъ сѣдою головой, — какъ будто бы я врагъ тебѣ и матушкѣ — землѣ родной? Да хоть сейчасъ умирай за святое и правое дѣло царя нашего.

— Ну такъ что же, батюшка? вскричалъ Митя, радостно вспрыгнувъ со скамьи.

— А то, мой кормилецъ, что надо обождать.

— Обождать?

— Да, вѣдь погляди: ты едва ходишь; ну какой можетъ быть въ тебѣ толкъ, если отъ вѣтру валишься? Такіе ли нужны воины? Вотъ укрѣпись маненько и съ Богомъ; поцѣлую, перекрещу и отпущу.

— Но я и теперь здоровъ.

— Эхъ, вѣдь какой упрямый! вскричалъ Емельянычъ. Вотъ послушай-ка лучше, какую я принесъ радостную вѣсточку.

— Вѣсточку!? ужь не выгнали ли изъ Москвы французовъ?

— Прійдетъ и этому чреда, ужь вѣстимо дѣло, что они тамъ не останутся; я чай они сами теперь видятъ, что пришелъ на нихъ гнѣвъ Божій.

— Не то? такъ что-же?

— Ефремычъ... — было началъ старикъ.

— Ефремычъ! вскричалъ Митя, гдѣ онъ? Живъ ли, здоровъ ли? Ты его видѣлъ?

— И слово-то не дастъ выговорить, сказалъ отецъ съ ласковой улыбкой.

— Говори родной! говори скорѣе!— снова перебилъ его Митя.

— Вотъ видишь ли что: Ефремычъ-то стоитъ отъ насъ очень и очень недалече съ отрядомъ козаковъ и своихъ товарищей егерей.

— Гдѣ же это, батюшка?

— А знаешь Стружный Боръ?

— Какъ не знать? Его изъ деревни видно.

— Проѣдешь боръ, такъ отрядъ тутъ-те на полянѣ и встрѣтится.

— Отъ кого же ты узналъ это, мой родной?

— Отъ Фильки Губана. Онъ утромъ ходилъ поразвѣдать нѣтъ ли гдѣ около насъ міродеровъ, какъ ихъ зовутъ, окаянныхъ; ну, вотъ тамъ, онъ и повстрѣчался съ Ефремычемъ, а тотъ, слышъ ты, и прислалъ мнѣ поклонъ.

— Пусти меня, батюшка, я сбѣгаю къ нему.

— Ну, ладно, ладно, только ужь не сегодня. Сходишь и завтра поутру. Ефремычъ сказывалъ, что они простоятъ около насъ двое сутокъ.

Въ ту минуту, какъ старикъ договаривалъ послѣднее слово, въ селѣ раздался звонъ колокола и шумъ нѣсколькихъ голосовъ.

— Что это? вскричалъ Митя.

— Ахти! никакъ французы напали на нашу деревню? Да такъ и есть, отвѣчалъ Емельянычъ.

Подъ окномъ избы пробѣжала толпа вооруженныхъ мужиковъ съ криками: Бей басурмановъ! ура! бей разбойниковъ! — Мальчишки, игравшіе до того по улицѣ въ снѣжки, со страхомъ жались къ ветхому забору, указывая въ даль и говоря: французъ! французъ!

— Побѣжимъ, Митя! вскричалъ Емельянычъ и, схвативъ шапку, бросился вонъ изъ избы. Митя послѣдовалъ за нимъ. На дворѣ они выдернули по огромной дубинѣ изъ частокола, отдѣлявшаго дворъ отъ огорода, и вооруженные такимъ образомъ пустились вдоль улицы, за толпою вооруженныхъ крестьянъ. Емельянычъ совершенно помолодѣлъ въ эту минуту и бѣжалъ такъ быстро, что Митя, пробѣжавъ съ полверсты, отсталъ отъ отца.

— Постой, батюшка, вскричалъ Митя,— мнѣ пришла славная мысль: побѣгу-ка я къ Ефремычу.

— Ладно! вотъ и сани чьи-то.

Недолго думая, нашъ маленькій воинъ прыгнулъ въ саночки, стоявшія у воротъ барскаго дома и погналъ лошадь, что было силъ.

Гнѣдко рванулся и понесся стрѣлою, мча сѣдока мимо отряда мародеровъ, подходившихъ въ эту минуту къ деревнѣ. Враги пустили нѣсколько пуль; одна ударилась въ сани, а другая сбила только фуражку съ головы удальца. Между тѣмъ гнѣдко, на котораго сыпались удары кнута, несъ какъ птица своего сѣдока. Наконецъ, вотъ и лѣсъ. Саночки запрыгали изъ стороны въ сторону по пнямъ и кочкамъ и чѣмъ дальше они подавались впередъ, тѣмъ лѣсъ становился темнѣе и гуще. Сонныя стаи воронъ и галокъ, испуганныя приближающимся шумомъ, громко закаркали, и взмахнувъ крыльями стали кружиться надъ головою нарушителя ихъ спокойствія. Митя быстро и скоро подавался впередъ, не смотря на то, что проѣзжая тропинка въ лѣсу была очень узка, а сухія вѣтви березы и сосны больно хлестали его по лицу, осыпая въ тоже время пушистымъ снѣгомъ.

Вдругъ, какъ бы пять сильныхъ и здоровыхъ кулаковъ ударили Митю въ спину. Онъ вздрогнулъ, хотѣлъ вскрикнуть, но удары съ удивительною быстротою слѣдовали одинъ за другимъ. Отъ боли, слезы выступили на глазахъ юноши.

— Кто тутъ? спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ, остановивъ лошадь.

Отвѣта не было. Мракъ и мертвое молча-

*

ніе царствовали въ лѣсу,— только слышалось тяжелое храпѣніе измученнаго гнѣдка. Между тѣмъ вмѣстѣ, съ конемъ, остановились и удары. Митя снова ударилъ по лошади; гнѣдко фыркнулъ, помчался еще быстрѣе и съ тою же силою и быстротою посыпались удары на спину бѣднаго Мити. „Господи помилуй! шепталъ онъ; что это значитъ?“ Митя струсилъ. Надо признаться, что Митя, который не испугался бы появленія цѣлой кучки мародеровъ, боялся очень лѣшаго. А кому же и было шутить такъ надъ Митей, какъ не лѣшому?

увидѣлъ, что какая-то рогатая тѣнь слѣдила за нимъ, покачиваясь и какъ бы замахиваясь. Въ минуту вся бодрость воротилась къ юношѣ, онъ сдержалъ гнѣдко и прыгнулъ изъ саней.

— Вотъ хорошо-то! вскричалъ Митя. Славный урокъ моей трусости!

Предметъ, который такъ напугалъ Митю, и такъ усердно и больно колотилъ его въ спину — былъ ничто иное какъ пяти сучковая сухая ёлка. Оконечность полозьевъ у саней была связана двойною веревкою, и ёлка, запутавшись въ ней, однимъ изъ сво-

Драка съ мародёрами.

Митя творилъ молитву и крестился, въ то время, какъ гнѣдко несъ его по пнямъ и кочкамъ, а удары сыпались на его спину, по прежнему, по пяти вдругъ. Несчастный мальчикъ совсѣмъ растерялся: ему чудились разные призраки. Но вотъ и конецъ лѣсу, вотъ и поляна. Усталый гнѣдко побѣжалъ медленно рысцою и тѣ же пять кулаковъ, какъ будто уставъ сами, колотили Митю гораздо тише противъ прежняго. Полная луна ярко свѣтила на небѣ, серебря снѣга поляны; Митя рѣшился искосо посмотрѣть въ бокъ, боясь, впрочемъ, совсѣмъ повернуться. Онъ

ихъ концевъ встала перпендикулярно, такъ что цѣпляясь за землю однимъ концомъ, другимъ била Митю въ спину.

— Если бы я не струсилъ, да еще давича вышелъ изъ саней, такъ и спина была бы цѣлѣе, да и сердце-то на мѣстѣ, — сказалъ самъ себѣ Митя.

Едва успѣлъ онъ досказать послѣднія слова, какъ громкій мужской голосъ окликнулъ его.

Митя обернулся и къ своей великой радости увидѣлъ, что былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ русской цѣпи.

— Кто идетъ? повторилъ часовой, бряк-нувъ ружьемъ.

— Свой! Русскій! отвѣчалъ Митя и бѣгомъ пустился къ окликавшему, забывъ про гнѣдко, сани и елку. — Ефремычъ! вскричалъ онъ, узнавъ въ часовомъ своего брата.

Но Ефремычъ не отвѣчалъ ни слова, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ и перекрестился.

— Что ты, братъ? неужели не узналъ меня? — спросилъ Митя.

— Узнать-то узналъ, отвѣчалъ струсившій Ефремычъ; да только, съ нами крестная сила! Христосъ съ тобою, братецъ, ступай въ свою могилу. Зачѣмъ ты пришелъ?

— Что ты за чепуху городишь, братъ! да развѣ не видишь, что я живехонекъ?

— Поди! поди! Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его! — шепталъ егерь.

— Да отъ кого ты отмаливаешься?

— Ахъ Господи! что за навожденіе! Да не самъ ли я видѣлъ, какъ тебя убили. Митя, разсыпься! голубчикъ братецъ, разсыпься!

— Но я живъ! Я не былъ убитъ.

— Ой ли! живъ?! А ну-ко, ну-ко перекрестись.

Митя перекрестился.

— И молитву прочтешь?

— Прочту.

— Ну-ко прочти.

— Да полно же братъ ребячиться. До того ли теперь, какъ нашу деревню жгутъ и грабятъ мародеры; я не для того сюда пріѣхалъ, чтобы читать молитвы, а просить помощи.

— Мародеры! французы! — крикнулъ Ефремычъ, выстрѣливъ на воздухъ.

Въ минуту русскій бивуакъ ожилъ. Барабанъ ударилъ и егеря, принятые казаками на стремя, понеслись къ деревнѣ.

Между тѣмъ отрядъ мародеровъ, послѣ небольшой схватки съ крестьянами, ограбивъ деревню, поджегъ ее съ двухъ сторонъ и съ веселыми пѣснями и фурами, нагруженными хлѣбомъ, выходилъ изъ деревни, изрѣдка отстрѣливаясь отъ тревожившихъ его крестьянъ.

Вдругъ, какъ бы изъ земли, выросли казаки и, пригнувшись къ лошадямъ, съ гикомъ, крутя въ воздухѣ острыми саблями, ударили на враговъ. Французы, бросивъ добычу, пустились бѣжать къ лѣсу. Въ то время, какъ они думали, что имъ удастся спастись, загремѣлъ русскій барабанъ и сотня егерскихъ штыковъ, выстроила стальную ограду.

Завязался бой.

Въ это время взводъ егерей, отдѣлившійся отъ своего отряда, для того, чтобы тушить пожаръ деревни, остановился, пораженный неожиданною сценой, въ которой Митя и одинъ польскій воинъ были дѣйствующими лицами. Первый, на казацкой лошади, вооруженный пикою и нагайкой, выскакавъ изъ лѣсу, наткнулся на поляка, который тащилъ охабку награбленныхъ тулуповъ.

— Стой, людоѣдъ! крикнулъ Митя, уставивъ пику къ груди противника.

Полякъ не растерялся и ловкимъ ударомъ сабли перерубилъ древко пики. Ударъ былъ такъ силенъ, что Митя не удержался на сѣдлѣ и упалъ на землю. Тутъ завязался между ними рукопашный бой; наконецъ Митя одержалъ верхъ: — онъ повалилъ поляка и нанесъ ему смертельный ударъ.

Храбрость и ловкость бывшаго флейщика привели въ восторгъ старыхъ солдатъ. Они всѣ окружили его и поздравляли съ торжествомъ и побѣдой.

Митя до того воодушевился, что не чувствовалъ прежней слабости; силы опять воротились и снова появилось желаніе идти съ братомъ, раздѣлять съ солдатами боевые труды и опасности. Простившись со старикомъ-отцомъ, Митя вступилъ опять въ ряды егерей.

Отечественная война кончилась. Непріятель со стыдомъ бѣжалъ изъ предѣловъ Россіи. Наши войска перешли границу и, про-

должая преслѣдовать его по пятамъ, освобождали, одно за другимъ, всѣ германскія государства отъ владычества Наполеона. Торжество Россіи было полное. Между тѣмъ раззоренныя французами деревни и села наши мало по малу оправлялись и принимали прежній видъ, при щедрой помощи правительства. Крестьяне получили вспомоществованія, застроились, накупили хлѣба и прежняя покойная, тихая жизнь снова водворилась. Отъ нашествія непріятеля не осталось другихъ слѣдовъ, кромѣ разсказовъ. Въ половинѣ 1815 года, въ жаркій іюльскій полдень, въ одной изъ подмосковныхъ деревень, на завалинкѣ новой избы, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ господскаго дома, сидѣлъ сѣдой старичекъ, въ синемъ поношенномъ армякѣ; поярковая шляпа прикрывала пряди сѣдыхъ волосъ его.

Вокругъ его стояло и сидѣло нѣсколько человѣкъ — молодыхъ парней.

— Да, ребята, говорилъ имъ старикъ; — было времячко, кутилъ врагъ на землѣ православной! да ужь и вытерпѣлъ же онъ! Въ особенности боялся казаковъ. Разъ, знаете, ночью забралось къ намъ въ деревню человѣкъ шесть мародеровъ. Изба моя была крайняя, они и вломись въ нее. Меня не было дома, въ избѣ на полатяхъ лежала тетка моя, старушка. Вотъ и пристали къ ней и ну кричать: хлѣба дескать подай. Нѣтъ, кормильцы, отвѣчала со страхомъ старушка, боясь, что они убьютъ ее, а ежели вамъ ѣсть охота, то ступайте въ хлѣвъ — тамъ стоитъ коза.

— Козакъ! козакъ! вскричали французы да и пустились изъ деревни.

Парни громкимъ смѣхомъ покрыли рѣчь старика.

Въ эту минуту послышалось отдаленное дребезжаніе колокольчика. На дорогѣ показалась пыль и скоро телѣга, запряженная лихою тройкой, въѣхала въ деревню. Изъ телѣги выскочилъ молодой офицеръ, въ форменномъ сертукѣ и въ клеенчатой фуражкѣ.

— Это деревня К.? спросилъ онъ.

— Она, ваше благородіе,— отвѣчали мужики, обступивъ пріѣзжаго.

— Здѣсь ли староста Емельянычъ?

— Здѣсь, здѣсь!

— Я староста, ваше благородіе, что прикажете? и старикъ вышелъ впередъ.

Офицеръ бросился къ нему на шею.

— Батюшка! ужели ты не узналъ Митю?

— Митя! голубчикъ! сынъ мой!—и слезы отца смѣшались со слезами сына.

— А гдѣ же Ефремычъ? спросилъ старикъ послѣ перваго восторга,—живъ ли онъ?

— Живъ, и тоже осыпанъ царскими милостями. Только у него, бѣдняжки, въ сраженіи подъ Лейпцигомъ руку оторвало.

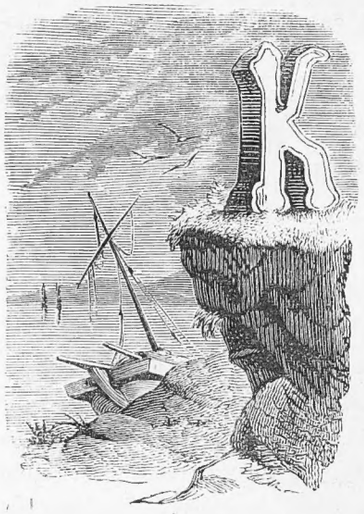
— Ну, что же дѣлать! на то Божья воля! отвѣчалъ старикъ, крестясь.— Да и говорить ли о рукѣ, когда за батюшку-царя, да за матушку-Россію и головы положить не жалко; — и онъ опять обнялъ сына, взглянувъ мокрыми отъ слезъ глазами на небо. Во взглядѣ этомъ была глубокая благодарность, которую старикъ Емельянычъ возносилъ Всевышнему за сохраненіе въ живыхъ обоихъ своихъ сыновей. — Старикъ не жалѣлъ руки старшаго сына, не скорбѣлъ о ранѣ, слѣды которой были видны на щекѣ Мити, — ему достаточно было того, что они честно исполнили свой долгъ и остались живы; — за это и благодарилъ онъ такъ горячо Бога.

ФОНАРЩИКЪ.

(*Окончаніе.*)

ГЛАВА XLIV.

Награда.



Когда умеръ почтенный фонарщикъ Трюйманъ Флинтъ, старикъ Куперъ похоронилъ его недалеко отъ маленькой сельской церкви, въ которой онъ служилъ причетникомъ столько лѣтъ сряду. Кладбище было тогда въ безпорядкѣ и крайне бѣдно. Но когда выстроили новую каменную церковь, то и оно убралось деревьями и зеленью, и могила добрѣйшаго Флинта лежала подъ защитою высокихъ вязовъ и красивыхъ кустарниковъ. Тутъ же были позже положены бренные останки мистресъ Суливанъ и ея отца. Около этихъ трехъ могилъ, Джерти много пролила слезъ, но много и насадила розановъ, плющей и другихъ цвѣтовъ и растеній. Она считала святою обязанностію ходить на кладбище помолиться во дни кончины дорогихъ ей людей или въ большіе праздники и относила красивые вѣнки, которыми убирала скромныя ихъ могилы.

Съ этимъ именно намѣреніемъ вышла она, недѣлю спустя послѣ описанныхъ выше обстоятельствъ, изъ дому и поспѣшно пробиралась черезъ садъ къ церкви. Въ корзинѣ, висящей на ея рукѣ, видны были цѣлые пучки разныхъ цвѣтовъ; въ умѣ же и сердцѣ молодой дѣвушки роились разнородныя мысли.

Она оставила отца въ обществѣ Емиліи; ей такъ весело было видѣть ихъ искреннюю бесѣду, что она не сказала даже, что идетъ на кладбище; ей не хотѣлось прервать дружнаго разговора, хотя Анори прежде нѣсколько разъ говорилъ ей, что желаетъ побывать на могилѣ Трюймана Флинта. Дорогою невольно приходило ей въ голову раздумье о собственномъ положеніи и, волей-неволей, бѣдная Джерти тосковала о своемъ горѣ, котораго ничто не могло заглушить. Она еще два раза видѣлась съ Вилли; отношенія ихъ, какъ и въ первый разъ, были дружественны, но далеко не по прежнему откровенны. Вилли со своей стороны нѣсколько разъ пробовалъ воротиться къ тому свободному обращенію, которое съ дѣтства связывало его съ Джерти, но вида ея робость и онъ робѣлъ, и прежняя счастливая ихъ дружба и жизнь, какъ будто пропали навсегда.

Какъ бы страннымъ это не показалось, но Джерти не могла еще рѣшиться сказать Вилли, что судьба ей возвратила отца; ея радость была такая полная, горячая, а Вилли казался ей и равнодушнымъ, и охладѣвшимъ. Къ тому же онъ былъ скученъ и грустенъ, и Джерти обижалась, зачѣмъ онъ ей не выскажетъ прямо, что у него на душѣ. А Вилли въ свою очередь находилъ, что Джерти какъ будто его избѣгаетъ и ничего задушевнаго не шло у него съ языка.

Она все воображала, что его стѣсняетъ его любовь къ Изабеллѣ Клинтонъ, а онъ припоминалъ слова Анори, который ему намекнулъ, что Джерти могла легко его забыть послѣ восьми лѣтъ разлуки, и поэтому бѣдный молодой человѣкъ не смѣлъ вымолвить откровеннаго слова. Джерти была увѣрена, что Вилли съ Изабеллой Клинтонъ счастливъ быть не можетъ, но не смотря на это, изъ очень понятной благородной гордости, не рѣшалась объ этомъ заговорить первая.

Въ этихъ размышленіяхъ дошла она до кладбища и тихо стала подниматься по скату

горы. Въ этомъ уединенномъ уголкѣ было мирно, и тихо; только птички перекликались и чирикали, перепархивая съ вѣтки на вѣтку въ густыхъ деревьяхъ; погода была прелестная. Каждая тропинка была знакома Джерти; ее такъ и обдавало прекраснымъ запахомъ отъ множества взлелѣянныхъ ею цвѣтовъ; ей казалось, что въ тишинѣ ее окружающей слышались милые, отдаленные, голоса друзей, мирно лежавшихъ подъ каменными плитами у ея ногъ. Ей было какъ-то отрадно-грустно, какъ-то тихо-хорошо, какъ бываетъ съ человѣкомъ, когда сквозь слезы онъ вспоминаетъ о тѣхъ неизмѣнныхъ друзьяхъ, которые должны быть счастливы и тамъ — въ другомъ неизвѣстномъ мірѣ.

Стоя у чугунной рѣшетки, Джерти смотрѣла какъ роскошно и густо разросся кругомъ плющъ и своими гибкими вѣтвями обхватилъ до верху даже вѣтки деревьевъ.

Она сѣла на самую могилу дяди Флинта, закрыла лице руками, сперва задумалась, потомъ помолилась, встала, вздохнула, раскрыла свою корзинку и приналась плести вѣнокъ, потомъ положила его въ головахъ милой могилы, и высыпала на камень ея всѣ остальные свои цвѣты.

Въ этотъ день было ровно девять лѣтъ, что не стало добраго Флинта. Но онъ какъ живой представлялся въ воображеніи Джерти. Она припоминала его ласковую улыбку, его кроткое лице, но еще сто разъ живѣе припоминала его доброту, его любовь, съ искреннимъ желаніемъ всю жизнь свою ихъ помнить и стараться дѣлать добро такъ же просто, по христіански, какъ дѣлалъ его онъ самъ. Ей живо представлялись первые счастливые дни ея дѣтской жизни подъ крылышкомъ у этого перваго и неизмѣннаго друга. Но тутъ же вспоминала она и о Вилли, которому такъ же была обязана столькими незабвенными дѣтскими радостями, и вдругъ у нея вырвались невольно слѣдующія слова: „Дядя, милый дядя, насъ съ тобой ничто не разлучитъ; но Вилли уже не съ нами!“

— Кто же виноватъ, Джерти? развѣ я? — послышался голосъ изъ густой чащи кустовъ.

Джерти вздрогнула, оглянулась и увидѣла что Вилли стоялъ въ двухъ шагахъ отъ нея и взглядъ его выражалъ кроткій, но глубокій упрекъ. Она протянула ему обѣ руки, онъ бросился къ ней и спрашивалъ съ невообразимымъ волненіемъ:

— Скажи только, за что ты ко мнѣ перемѣнилась? Что я сдѣлалъ? Отъ чего ты молчишь? Теперь я понимаю отъ чего, когда увидѣлъ тебя по моемъ возвращеніи, я такъ испугался... твоему равнодушію; ты вѣрно кого нибудь любишь? Но если ты можешь быть счастлива съ другимъ, развѣ это лишаетъ меня права любить тебя какъ сестру?

Джерти отвѣчала сквозь слезы:

— Нѣтъ, я твоя сестра... неизмѣнная, любящая...

Онъ грустно улыбнулся.

— Такъ видно правда, продолжалъ Вилли. Ты меня избѣгала отъ того только, что, любя другаго, боялась меня огорчить! Ты вольна въ своихъ чувствахъ, Джерти, но неужели ты не видишь, что вмѣстѣ съ этимъ всѣ мои лучшія надежды разбиваются въ прахъ...

— Что это значитъ, Вилли? или ты надо мною насмѣхаешься?.. А твои короткія отношенія къ Изабеллѣ Клинтонъ?

— Какъ, неужели и ты могла повѣрить этому нелѣпому и глупому слуху,—спросилъ онъ съ какою-то худо сдержанною вспыльчивостію.

— Но то, что я видѣла своими глазами, что слышали мои уши, не могло меня обмануть. Не обманывай меня, Вилли, говори всю правду — право мнѣ будетъ легче...

— Я ничего не понимаю, продолжалъ молодой человѣкъ въ недоумѣніи — если бы ты могла читать въ моемъ сердцѣ, то увидѣла бы, что кромѣ тебя одной я никого не любилъ, и не люблю.

— Но что же значили твои прогулки вдвоемъ съ Изабеллой въ Саратогѣ? вспомни

какъ, провожая ее до парохода, ты упрашивалъ ее воротиться какъ можно скорѣй!

— Кто могъ тебѣ все это пересказать? спрашивалъ съ изумленіемъ молодой человѣкъ.

— Я сама все это видѣла и слышала...

— Какъ сама? я не понимаю.

— Ахъ, Вилли! Мы были въ Саратогѣ съ Емиліей и докторомъ Жереми и я нѣсколько разъ васъ видѣла вмѣстѣ и въ саду, и на гуляньяхъ, и при отплытіи парохода. Я слышала собственными ушами, какъ ты упрашивалъ Беллу скорѣй воротиться... слышала...

— Такъ выслушай же меня теперь и пойми, что все это значило. Почтенный мой благодѣтель хворалъ во все время своего пребыванія въ Саратогѣ. Любя страстно единственную свою дочь, зная, какъ она сама любитъ общество, и не имѣя возможности разъѣзжать съ нею, онъ просилъ меня убѣдительно его замѣнить. Могъ ли я отказать благородному этому человѣку и моему благодѣтелю? Скажу больше — нечувствительность Беллы къ такому добрѣйшему отцу, равнодушіе ея къ его тяжелой болѣзни, меня очень возмущали. Въ тотъ день, какъ она заладила ѣхать непремѣнно въ Нью-Йоркъ — онъ очень страдалъ; провожая Беллу до парохода, я не безъ причины желалъ и просилъ ее скорѣй воротиться, у меня были и свои дѣла, милая Джерти; только замѣнивъ меня у изголовья больнаго Клингтона, Изабелла развязывала меня самаго. А одинъ Богъ знаетъ, какъ я стремился въ Бостонъ, какъ я расчитывалъ на теплый пріемъ, на сердечную встрѣчу съ той, которая для меня *все* въ жизни. Посуди же, каково мнѣ было твое равнодушіе!

— Вѣришь ли ты теперь, Вилли, что равнодушія у меня не было въ душѣ ни одной минуты, было только сомнѣніе... и какое тяжелое сомнѣніе,— говорила Джерти, улыбаясь другу сквозь слезы. Понимаешь ли ты меня вполнѣ?

— Такъ ты свободна, ты моя? спросилъ съ восторгомъ Вилли.

— Конечно твоя, если ты самъ не переставалъ быть моимъ.

Послѣ этихъ словъ, такъ и посыпались откровенныя признанія съ обѣихъ сторонъ; молодые люди стали вспоминать свое дѣтство, которое такъ сильно связало ихъ взаимное чувство, какъ будто оно росло вмѣстѣ съ ними; его упрочили и время, и разлука, укрѣпили испытанія и отдаленность, и наконецъ настало блаженное время, когда оно могло быть освящено союзомъ счастливымъ и вѣчнымъ.

— Но, милая Джерти, воскликнулъ Вилли, когда взаимная довѣренность совершенно успокоила ихъ обоихъ,—скажи мнѣ, какъ могла ты думать хоть одну минуту, что я люблю Изабеллу Клинтонъ и что она вытѣснила тебя изъ моего сердца? Развѣ ты не знала коротко насъ обоихъ? Что же между нами общаго? Если мнѣ приходило на умъ, что ты могла полюбить другаго, то я полагалъ, что ты, можетъ быть, встрѣтилась съ человѣкомъ высокаго ума и образованія.

— Вилли, но кто же болѣе Изабеллы способенъ нравиться и плѣнять? Она совершенная красавица, ее окружаютъ въ обществѣ всѣмъ возможнымъ почетомъ и похвалами; она съ ума сводитъ всю окружающую ее молодежь; ко всему этому я знала, какъ важно ея семейство, какъ оно богато — что же мудренаго, что всѣ эти выгоды могли и на тебя вліять и дѣйствовать?

— Вмѣстѣ съ блестящей стороной Изабеллы, развѣ я могъ не знать ближе ея душевныхъ свойствъ, ея характера? Спѣсивыя насмѣшки, эта презрительная улыбка, которая такъ часто видна на ея лицѣ, развѣ не портитъ ея красоты? Всѣ поклоненія, которыми ея окружаютъ, ей до того кружатъ голову, что сама она съ другими бываетъ часто и груба, и дерзка. Ея врожденныя достоинства все-таки ниже врожденныхъ пороковъ, о которыхъ, при блестящемъ ея воспитаніи, при окружающей ее роскоши, никто и не позаботился. А на счетъ богат-

ства, ты знаешь, какъ для себя собственно я всегда былъ умѣренъ; если я желалъ имѣть побольше денегъ, то для тебя и для моихъ старичковъ, которыхъ уже теперь и въ живыхъ нѣтъ.

— Я ни минуты не сомнѣвалась въ твоемъ безкорыстіи, Вилли.

— Если бы у Изабеллы было столько же ума, какъ и красоты, если бы она была въ сто разъ привлекательнѣе, всего этого все-таки недостаточно было бы для того, чтобы я могъ не замѣтить, какъ она страстно предана суетнымъ свѣтскимъ удовольствіямъ, какъ она ими только и дышетъ, какъ они заглушаютъ въ ней самыя святыя чувства и обязанности. Вообрази себѣ, что у нея доставало духу веселиться и разъѣзжать по гостямъ, когда добрѣйшій ея отецъ, прикованный къ постели тяжкими страданіями, ни днемъ, ни ночью не имѣлъ часу покоя. Кому же было за нимъ ходить, сидѣть у его изголовья и всѣми силами стараться облегчить его положеніе, какъ не единственной его дочери, которую онъ боготворилъ? Я по неволѣ сравнивалъ ее съ моей несравненной Джерти, припоминая, сколько надо было терпѣнія, христіанской любви, высокаго самоотверженія, чтобы ходить столько времени за моею больною матерью, за моимъ несчастнымъ, слабоумнымъ дѣдомъ. Нѣтъ, моя добрая, милая Джерти, сравнивая васъ обѣихъ, не за Изабеллой стремилось мое сердце; я бы измѣнилъ не только тебѣ, но и себѣ самому, если бы могъ увлечься одними наружными преимуществами, не въ нихъ можетъ быть прочное счастіе жизни. Теперь я блаженнѣйшій изъ людей, я вижу, что подруга моего дѣтства, вмѣсто маленькой, худенькой дѣвочки, женщина во всей ея юношеской красѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ такая же добрая, любящая. — Ахъ, Джерти, какъ велико мое счастіе! не объяснить мнѣ этого никакими словами! Одно грустно, что счастію моему не могутъ быть свидѣтелями наши отлетѣвшіе, незабвенные друзья.

Но кто же можетъ утверждать, что они не раздѣляли съ Вилли и Джерти ихъ душевнаго восторга? Можетъ быть, духъ добрѣйшаго дяди Флинта присутствовалъ незримо при вышеописанномъ объясненіи, въ которомъ сбывались его лучшія мечты, когда давно, давно, онъ съ улыбкою поглядывалъ на играющихъ на его порогѣ веселыхъ дѣтей, соединяя ихъ подъ своимъ благословеніемъ. Можетъ быть, и дѣдушка Куперъ, видя это честное, достойное уваженія сватовство, эту чистую дружбу и любовь, эти надежныя, окрѣпшія для трудовъ и заботъ житейскихъ, силы, порадовался небесною радостію, забывая всѣ свои земныя скорби. А нѣжная мать, кроткая г-жа Суливанъ, она и при жизни, какъ будто предчувствовала будущность своего сына, соединяя его въ своемъ сердцѣ нераздѣльно съ милою Джерти. Любовь эта пережила самую ея смерть. Она ограждала Вилли во всѣхъ его искушеніяхъ, она его оберегала, нашептывая ежеминутно совѣты, всегда благіе, всегда благотворные, она же возвратила его къ Джерти. Можно ли сомнѣваться, что и ея духъ носился невидимо надъ головами Вилли и Джерти, благословляя ихъ и награждая — за жизнь честную, дѣятельную, полезную, за любовь взаимную, вѣрную, неизмѣнную?

ГЛАВА XLV И ПОСЛѢДНЯЯ.

Заключеніе.

олнце опускалось ниже и тѣни деревьевъ длинными полосами ложились по землѣ, когда счастливые, веселые и вполнѣ спокойные Вилли и Джерти вышли съ кладбища въ противуположную калитку той, въ которую вошла Джерти. Тутъ стояла телѣжка Вильама. Онъ помогъ Джерти въ нея усѣсться, отвязалъ лошадь и, взявшись за возжи, повернулъ къ дому Грегама.

Подъѣзжая ближе, Джерти сейчасъ замѣтила, что въ домѣ происходила какая-то необычная суматоха, люди бѣгали по комнатамъ со свѣчами, дверь на подъѣздъ открыта была настежъ, кругомъ ея лежали ящики и чемоданы, а гостиная была ярко освѣщена.

Ясно было, что пріѣхала госпожа Грегамъ, а съ нею, можетъ быть, еще и другіе гости. Джерти было досадно, что именно въ ту минуту, когда она хотѣла представить Вилли, какъ своего жениха, Емиліи, самому Грегаму и всему дому, какъ нарочно подъѣхала эта суетливая дама, но неудовольствіе ея было минутное — слишкомъ великое счастіе наполняло ея душу, чтобы другому чувству въ немъ было мѣсто.

— Вилли, остановись у воротъ, мы подзовемъ Жоржа и отдадимъ ему твою лошадь.

— Нѣтъ, Джерти, я вижу, что у васъ много чужихъ, да и я далъ слово въ восемь часовъ быть дома, продолжалъ онъ, поглядывая на часы. А завтра придти, или нѣтъ?— спросилъ онъ шутя.

Они пожали другъ другу руки и разстались, глядя одинъ на другого съ равнымъ, полнымъ довѣріемъ и любовью.

Когда Вилли уѣхалъ въ Бостонъ, Джерти не успѣла войдти въ дверь, какъ очутилась въ объятіяхъ Фанни Брюсъ, которая душила ее поцѣлуями и поздравляла со спасеніемъ, во время пожара на пароходѣ, послѣ котораго онѣ еще не видались.

— Вѣрно, мистресъ Грегамъ пріѣхала? спрашивала Джерти, обнимая молодую дѣвушку.

— И мистресъ, и Китти, и Изабелла, и еще какая-то маленькая дѣвочка и больной господинъ, отвѣчала Фанни,—кажется самъ Клингтонъ. Былъ еще другой чужой господинъ — но онъ уѣхалъ.

— Кто такой?

— Не знаю. Высокій ростомъ, черноглазый, у него волосы хоть и съ просѣдью, но курчавые, живописно и густо вьющіеся вокругъ лица. Все же далеко онъ не старикъ. Когда я пришла, онъ сидѣлъ съ Емиліей, но ушелъ гораздо прежде, чѣмъ пріѣхали ваши. Онъ говорилъ, что у него въ Бостонѣ въ назначенный часъ съ кѣмъ-то свиданіе, а позже обѣщалъ опять сюда вернуться. Мнѣ онъ какъ-то приглянулся, надо, Джерти, чтобы и ты его видѣла.

Когда онѣ вошли въ гостиную, крикливый голосъ мистресъ Грегамъ такъ и раздавался.

— Я не могу себѣ представить, Емилія, говорила она размахивая руками, что ты была въ самомъ огнѣ, и наша красавица Изабелла тоже. Это ужасно! Посмотри на нее, бѣдненькую, она и теперь еще блѣдна съ испугу. Вѣдь и Джерти была съ вами? она, говорятъ, очень благородно себя показала?

Увидя вошедшихъ въ эту минуту молодыхъ дѣвушекъ, мистресъ Грегамъ пошла имъ навстрѣчу и съ жаромъ обняла и поцѣловала Джерти. Тщеславная и пустая женщина эта была впрочемъ способна и на

чувства возвышенныя и благородныя, когда ихъ не заглушала мірская суета.

— Но надо же и мнѣ стряхнуть съ себя всю пыль, которой я покрыта,— продолжала она, сбирая свои вещи, шаль и шляпу. Однако я очень рада, что не поѣхала водою, на этомъ ужасномъ пароходѣ,— пыль все-таки лучше пожара. Гдѣ же наша Бригита — она могла бы догадаться сойти за моими мѣшками?..

— Постойте, я вамъ помогу, сказала Джерти, забирая на руки все, что могла; она поддерживала сзади длинную шаль, которая, сползая съ плечъ мистресъ Грегамъ, волочилась по полу. На половинѣ дороги онѣ встрѣтились съ Китти, и молодыя дѣвушки принялись обниматься и цѣловаться самымъ дружескимъ образомъ. На самомъ порогѣ имъ попалась Изабелла, въ нарядномъ пеньюарѣ, съ распущенными волосами; она только-что хотѣла приняться за туалетъ, но что-то была сердита и не въ духѣ. Она поздоровалась съ Джерти довольно ласково.

— Я очень рада тебя видѣть, Джерти, сказала она, хотя и не могу глядѣть на тебя безъ ужаса, ты мнѣ такъ напоминаешь страшный день пожара, въ которомъ мы всѣ чуть-чуть не погибли. И какое благополучіе, что мы спаслись. Сколько людей утонуло! Я и теперь не могу надивиться, отчего ты была тогда такая хладнокровная? Я бы никогда не съумѣла спастись, если бы ты меня не научила тому, что надо было для этого сдѣлать... Лучше объ этомъ ужь и не вспоминать,— продолжала она вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ... просто ужасъ подумать... Затѣмъ обратясь къ Китти, она продолжала съ недовольнымъ видомъ:

— Китти, вели мнѣ подать умыться...

— Я и то два раза звонила. Развѣ никто изъ горничныхъ не приходилъ?

— Да, нѣтъ, никто; а надо одѣться и причесаться къ чаю!

— Я сейчасъ принесу тебѣ воды, отвѣчала Джерти. —Ты видишь, какъ всѣ служанки суетятся.

— Благодарю, сказала Белла.

— Ахъ, Джерти, развѣ я не могу сбѣгать,— замѣтила Китти; но Джерти была уже за дверьми.

Заглянувъ въ кухню, молодая дѣвушка застала няню Еллисъ въ большихъ хлопотахъ, она ворчала съ неудовольствіемъ:

— Шутка ли, нагрянула самъ-пять, а мы и не ждали, не гадали. У меня припасенаго ничего нѣтъ, ни ветчины, ни пирога. А вѣдь съ дороги, я чай, имъ всѣмъ до смерти ѣсть хочется; что тутъ будешь дѣлать?

— За то, няня, если они голодны, такъ не будутъ разборчивы, и солонина, и вчерашніе сухари, и блины наскоро спеченные все придется по вкусу. — Дайте мнѣ ключи и главное успокойтесь — покуда я схожу, да выну серебро и наложу варенья, у васъ все поспѣетъ съ помощію кухарки.

Наконецъ накрыли столъ скатертью ослѣпительной бѣлизны. Всего, что на немъ разставили, было въ избыткѣ и смотрѣло вкусно и аппетитно. Джерти съ такимъ сіяющимъ лицомъ и веселыми глазами все осматривала, что няня Еллисъ не воздержалась и сказала, всплеснувъ руками: „Господи Іисусе! Миссъ Джерти, вы точно себя не помните отъ радости, что къ намъ наѣхала вся эта ватага.“

Приказано было подавать ужинъ; Джерти доставала салфетки изъ шкапа, когда вошла въ комнату Китти. Она вела за руку дѣвочку лѣтъ девяти, въ траурѣ, но чистенько одѣтую. Китти улыбнулась, хотѣла что-то сказать, но не выдержала, зарыдала и едва могла произнести, обвивъ шею Джерти руками: „Я шла къ тебѣ сказать, какъ я счастлива...“

Потомъ засмѣялась, потомъ опять заплакала и между всемъ этимъ, высказала, что она помолвлена за отличнѣйшаго человѣка, который ее давно и очень любитъ. Дитя, которую она держала за руку, была сирота, племянница ея жениха. „Онъ ей замѣнятъ отца

роднаго. И знаешь, Джерти, я тебѣ обязана моимъ счастіемъ," продолжала молодая дѣвушка, кинувшись обнимать подругу.

— Какъ мнѣ? спросила Джерти съ удивленіемъ.

— Да тебѣ... тебѣ больше, чѣмъ кому либо. Я была и глупа, и тщеславна, я гонялась за людьми, которыхъ любить было не зачто. Кромѣ этого я только и думала, что о себѣ самой, а до другихъ мнѣ и дѣла не было. Если бы мало по малу твой примѣръ не началъ на меня дѣйствовать, если бы я наконецъ тебя не оцѣнила и не хвалила бы тебя при *немъ* искренно, съ увлеченіемъ; мой женихъ можетъ быть и не обратилъ бы на меня вниманія, и не ввѣрилъ бы моимъ попеченіямъ Грацію, которую я тебѣ представляю.

При этихъ словахъ Китти подвела дѣвочку къ Джерти и глядѣла на нее съ чрезвычайною нѣжностію.

— Женихъ мой пасторъ; представь себѣ, что меня, такую вѣтреную и легкомысленную, Богъ призвалъ быть подругой служителя церкви. И какое у него золотое сердце!

У Китти на глазахъ блестѣли слезы, но и Джерти не была равнодушна — принимая живое участіе въ ея судьбѣ. Въ эту минуту пришли доложить, что ужинъ поданъ.

Никогда столовая дома Грегама не сіяла такъ свѣтло и весело. Всѣ сѣли за столъ, общество было такое большое, что громкіе разговоры сливались въ шумный говоръ, который трудно было разобрать. Все припоминалось: и путешествіе, и встрѣчи, и разнаго рода похожденія; послѣ ужина явились на столѣ альбомы, съ картинками и фотографіями, съ ними воспоминанія становились еще живѣе, и разсказы еще съ большими подробностями сыпались со всѣхъ сторонъ.

— Китти, сказала Изабелла, какъ будто вдругъ встрепенувшись отъ удовольствія, вотъ магазинъ, въ которомъ я купила мое голубое платье въ Парижѣ, а это, Китти, каскада булонскаго лѣса — мы тутъ были въ цѣломъ обществѣ русскихъ офицеровъ!

Вдругъ открылась дверь, и безъ доклада въ столовую вошли Анори и Вильямъ Суливанъ. Всѣ замѣтили, что они были знакомы и всѣхъ это какъ-то удивило, потому что никто того не ожидалъ.

Супруги Грегамъ, какъ люди, умѣющіе жить, приняли ихъ впрочемъ очень вѣжливо и любезно. Г. Грегамъ представилъ Анори, Клинтону.

— Миссъ Джерти! воскликнула Фанни лукаво—это тотъ самый господинъ, съ которымъ вы ѣхали сегодня въ телѣжкѣ. Это-то и есть Вилли Суливанъ?

Джерти не знала какъ и отвѣчать на эти шутки, тѣмъ болѣе, что Изабелла глядѣла на нее недружелюбно, и съ замѣтною завистью. Въ это самое время Клинтонъ, взявъ Изабеллу за руку, подвелъ ее къ Анори, сказавъ глубоко тронутымъ голосомъ, съ очень выразительной улыбкой:

— Вильямъ Суливанъ передалъ мнѣ, что вы спасли жизнь моей единственной дочери; позвольте же ей васъ самой поблагодарить.

Анори обвилъ рукою Джерти за талію, и поспѣшилъ отвѣтить:— Вотъ кто спасъ вашу дочь; правда, что я приплылъ къ берегу и положилъ на песокъ миссъ Изабеллу, но я спасалъ свою собственную дочь, не воображая, что укутавъ голову своей подруги шалью, она, вмѣсто себя, толкнула ее, изъ великодушія и самоотверженія, мнѣ на руки...

— Джерти, Джерти! кричали всѣ окружающіе, ты одна способна на такой поступокъ!

— Моя милая, несравненная Джерти! — вырвалось у Емиліи, она схватила руку Джерти и хотѣла ее поцѣловать.

— Неужели, Джерти, ты забыла о себѣ, тогда какъ старалась меня спасти? я этого никакъ не воображала...

— Но какимъ образомъ вы называете Джерти вашею дочерью? прервала Изабеллу мистресъ Грегамъ, — я не понимаю.

— Да, она моя единственная дочь, отвѣчалъ

Анори, покойно и съ достоинствомъ, мое единственное дитя, возвращенное мнѣ милостивымъ Богомъ, мнѣ, виновному во многомъ, отцу, который и не заслужилъ такого великаго счастія. У тебя, Джерти, нѣтъ ни для кого здѣсь секретовъ?

Она весело кивнула ему головой.

— И такъ, какъ отецъ, я ее отдаю человѣку честному и ея вполнѣ достойному,—продолжалъ Анори, вложивъ руку Джерти въ руку Вильама Суливана.

Послѣ минутнаго молчанія начались искреннія поздравленія—разтроганный Грегамъ обнималъ Джерти, утирая рукавомъ слезы.

— Такъ вотъ онъ, кто Вилли? это твой женихъ! спрашивала Китти, дергая Джерти за платье, чтобы она ее выслушала. Она прыгала вокругъ счастливой подруги, танцовала и смѣялась съ неизъяснимымъ восхищеніемъ.

Больной старикъ Клинтонъ подошелъ къ Джерти и сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Я радуюсь, что судьба за меня награждаетъ васъ, миссъ Джерти, за спасеніе моей Беллы, вы ввѣряете вашу будущность такому человѣку, которому всякой бы отецъ за счастіе почелъ отдать свою дочь.

Клинтонъ такъ былъ взволнованъ, что пошелъ въ свою комнату и Вилли велъ его подъ руку, замѣчая, что больной едва передвигалъ ногами.

Весь остальной вечеръ прошелъ въ объясненіяхъ всѣхъ странныхъ событій, которыя доказывали, что Богъ видимо не оставляетъ людей, даже и тогда, когда имъ кажется, что они всѣми покинуты. Припоминая прошедшее, всѣ присутствующіе наслаждались блаженнымъ настоящимъ и всѣ говорили и устроивали будущее.

—

— Джерти, подойди къ окну, сказалъ Вилли, посмотри, какая дивная ночь!

Земля была усыпана снѣгомъ, было морозно, и звѣзды ярко мерцали на темномъ небѣ. Луна медленно выплывала изъ-за почернѣвшей крыши того самаго стараго дома, который имъ заслонялъ мѣсяцъ, когда дѣтьми еще они бывало сидѣли на порогѣ бѣднаго дяди Флинта.

Джерти сейчасъ поняла, о чемъ Вилли намекалъ ей. Она положила руку ему на плечо, стояла молча, и вѣроятно сердца ихъ обоихъ, съ равнымъ чувствомъ, вспоминали то время, которое отошло отъ нихъ уже такъ далеко.

Въ эту минуту фонарщикъ остановился у фонаря, чтобы зажечь газъ, и огонь вспыхнулъ скоро и ярко.

— Не такъ легко было дядѣ Флинту зажигать фонари, сказала Джерти со вздохомъ, тогда горѣло масло... Какъ здѣсь все перемѣнилось...

— Да, замѣтилъ счастливый Вилли своей молодой женѣ, окинувъ взглядомъ свою чистенькую, красивую, ярко освѣщенную квартиру. И какъ у насъ свѣтло, тепло и хорошо! продолжалъ онъ; помнишь, Джерти, наши мечты, именно на этомъ мѣстѣ: домъ перестроенъ, отдѣланъ, но стѣны остались тѣже... Чтобы мы дали, чтобы добрѣйшій старикъ былъ съ нами и раздѣлялъ наше благополучіе!..

Слезинка блеснула на рѣсницѣ Джерти; сжавъ руку друга, она ему показала на самую большую звѣзду, сіявшую на востокѣ.

— Добрый дядя! Его фонарь для меня въ этой звѣздѣ... Онъ всю жизнь мою будетъ горѣть передо мной на небѣ, и свѣтъ его не угаснетъ въ моемъ благодарномъ сердцѣ.

—

Въ тридцати миляхъ отъ Бостона, на берегу одного изъ живописныхъ озеръ, окруженнаго гористою мѣстностію, которую встарину воспѣвали въ стихахъ и въ музыкѣ поэты, стоялъ домъ довольно старинной и строгой наружности. Онъ когда-то принадлежалъ прадѣду Анори, и былъ уже проданъ

отцемъ его, съ искреннимъ сокрушеніемъ, при очень трудныхъ обстоятельствахъ.

Состояніе у Анори было хорошее, онъ купилъ это имѣніе снова, отстроилъ домъ, украсилъ его, занялся хозяйствомъ и въ первое уже лѣто привелъ все въ лучшій порядокъ.

Свадьба Вилли и Джерти была осенью; городской домъ Грегама въ Бостонѣ больше чѣмъ когда либо былъ полонъ съ утра до ночи народомъ, въ угожденіе Изабеллы, которая пріѣхала на зиму гостить къ теткѣ. Емилія, разставшись съ Джерти, болѣе чѣмъ всѣ другіе чувствовала пустоту причиняемую ея отсутствіемъ, но не жаловалась, хотя въ тихомолку и грустила; одинъ разъ Анори вошелъ къ ней, взялъ ее ласково за руку и сказалъ съ невыразимою нѣжностью;

— Емилія, здѣсь такъ шумно, такъ суетливо. Вы здѣсь еще болѣе въ уединеніи, чѣмъ я въ моемъ мирномъ уголкѣ. Мы любили другъ друга въ молодости, но не ужели наши сердца неспособны теперь любить другъ друга? Зачѣмъ же мы живемъ врозь. Вашъ отецъ видитъ, что вы здѣсь однѣ — уже ли онъ не согласится, чтобы я посвятилъ вамъ всю мою жизнь... вамъ исключительно. Для меня это было бы высшимъ блаженствомъ.— Емилія качала недовѣрчиво головой.

— Филипъ, я такая слабая, болѣзненная, легко ли со мной возиться? сказала она кротко.

— Беречь ваше здоровье, ухаживать за вами, было бы такою высокою цѣлью, выше которой никто въ свѣтѣ для меня бы и не придумалъ. У меня въ имѣніи такъ хорошо, такъ мирно, такъ спокойно, ваше здоровье поправится отъ этого чистаго воздуха и той тишины, которая вамъ необходима. Ради Бога, Емилія, не отнимайте у меня этой радостной надежды.

— Филипъ, милый другъ,—отвѣчала она, крѣпко сжимая его руку, — мнѣ все казалось, что мнѣ остается уже не долго быть со всѣми вами, и теперь даже, какъ не отрадно отзываются у меня въ сердцѣ твои нѣжныя слова, но я чувствую, что я не жилица на землѣ. Но дѣлай какъ хочешь, я согласна, я готова къ тебѣ переѣхать.

И съ первыми весенними днями, когда солнце стало высоко подниматься на небо, когда распустились цвѣты и птички принялись за веселыя пѣсни, Емилія переѣхала на житье въ гористое имѣніе Анори. Къ нимъ перебралась и няня Еллисъ, которая съ прирожденною ей страстью предалась хозяйству и особенно полюбила скотный дворъ и все молочное производство. Все старое было забыто и Филипъ находилъ въ нянѣ существо глубоко и неизмѣнно преданное къ Емиліи.

Филипъ — этотъ неутомимый странникъ, этотъ путешественникъ, чуть ли не по всему міру, жилъ покойно въ своемъ уединеніи, благословляя свою участь. Онъ былъ вполнѣ счастливъ, но это счастіе не заключалось въ окружающихъ его предметахъ; оно было ни въ его богатствѣ, ни въ возвращенномъ ему честномъ имени, всѣ эти блага какъ не важны, какъ не велики, но сравниться не могутъ съ тѣмъ миромъ, который душа находитъ только въ тѣсномъ союзѣ съ Богомъ, истиннымъ нашимъ Отцемъ и Помощникомъ. Емилія докончила свое высокое призваніе, обративъ душу мужа своего къ тому же свѣту, который озарялъ ее самою, несмотря на ночь ея окружающую.

И она была счастлива, чувствуя, что если бы пришелъ ее послѣдній часъ, она безтрепетно оставила бы любимаго человѣка съ неизмѣнной надеждой вѣрнаго свиданія въ будущей жизни.

Любя другъ друга — они во всемъ видѣли подтвержденія словъ Царя Псалмопѣвца, и часто говорили вмѣстѣ съ нимъ:

„Нищъ и боляй есмь азъ, спасеніе твое Боже, да пріемлетъ мя. Восхвалю имя Бога моего съ пѣснею, возвеличу Его во хваленіи. Взыщите Бога, и жива будетъ душа ваша.

„Да восхвалятъ Его небеса и земля, море и вся живущая въ немъ.“

ВОЛГА.

атушка Волга, какъ зоветъ нашъ простой народъ, принадлежитъ къ числу величайшихъ рѣкъ всего земнаго шара. Она, со своими судоходными притоками и ихъ вѣтвями, охватываетъ 20 губерній, т. е. почти все ядро Россіи. Пространство Волжской системы, или ея бассейнъ, занимаетъ до 30,000 квадр. миль, или третью часть Европейской Россіи. Если сравнивать ея бассейнъ *) съ Дунайскимъ, то онъ превосходитъ его почти вдвое; въ 7 съ половиною разъ больше бассейна рѣки Рейна и въ 11 разъ болѣе рѣки Эльбы.

По направленію своего теченія Волга также единственная рѣка въ Россіи, она течетъ съ запада на востокъ и потомъ исключительно на юго-востокъ; такимъ образомъ она соединяетъ восточныя и южныя части государства съ Сѣверо-Западными.

Каждая изъ 20 губерній отправляетъ по Волгѣ для сбыта свои собственныя произведенія, и тѣмъ же путемъ получаетъ товары иноземные; слѣдовательно въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ Волга составляетъ главное проявленіе жизни Россіи. Съ проведеніемъ же желѣзныхъ дорогъ къ важнѣйшимъ пунктамъ Волги, она, безъ сомнѣнія, еще болѣе проявитъ свое преобладающее вліяніе на весь ходъ дѣлъ.

Торговое сообщеніе Волги не ограничивается отдаленными странами Имперіи: оно съ одной стороны продолжается, черезъ Аральское и Каспійское моря, съ Хивой, Бухарой и Закавказьемъ; съ другой, черезъ Балтійское море, со многими торговыми городами Европы.

Давно ужъ Волга памятна и дорога сердцу русскаго народа, и въ прежнія времена имѣла она большое значеніе въ русской жизни. Въ смутныя времена Россіи, сюда бѣгали недовольные новыми порядками и образовали цѣлыя шайки удальцовъ, а многіе стекались здѣсь ради заманчивой вольности, тѣмъ болѣе, что, на такомъ обширномъ пространствѣ, было гдѣ погулять съ равными себѣ добрыми молодцами и было гдѣ легко пропитаться отъ мимо идущихъ каравановъ со всякими товарами и хлѣбомъ.

Изъ шайки такихъ вольницъ выходили историческія личности, подобно Стенькѣ Разину и Емелькѣ Пугачеву, а равно и много другихъ, наводившихъ ужасъ на всю Россію. Они памятны русскому народу до того, что онъ сложилъ о нихъ цѣлыя пѣсни и назвалъ ихъ именемъ цѣлыя мѣстности и курганы. Были между ними и такіе, которые служили защитою своему государству, отъ нападенія иноземныхъ хищническихъ племенъ, или же, подобно Ермаку, завоевателю Сибири, доставляли чистую пользу отечеству.

Кромѣ удобнаго способа сообщенія для промышленности и торговли, Волжскія воды особенно изобилуютъ прекрасною рыбою. Въ этомъ отношеніи Волга, безъ сомнѣнія, занимаетъ первое мѣсто между рѣками всего земнаго шара. Рыбный промыселъ болѣе всего развитъ въ низовьи Волги до Каспійскаго моря и здѣсь жители посвящаютъ себя исключительно все зимнее время этимъ занятіямъ.

*) Бассейнъ — рѣчное пространство.

Зимою Волга представляетъ однообразный видъ: это ничто другое, какъ широкая, снѣжная ложбина между невысокими холмами, и только по проторенному по всей длинѣ ея пути встрѣчаются свободно тянущійся обозъ, кое-гдѣ обставленныя елками проруби, передъ которыми деревенскія бабы моютъ бѣлье, да синѣющія подъ обрывами полыньи, гдѣ въ теплые дни не разъ замѣтишь плещущихся галокъ: вотъ все, что нарушаетъ нѣсколько это безконечное однообразіе. Въ сильный морозъ, проруби и полыньи дымятся, а невысокая вершина этого пара блеститъ на солнцѣ радушными цвѣтами. Но вотъ стало солнце пригрѣвать больше обыкновеннаго и Волга становится грязною, по берегамъ ея мѣстами обрисовываются черные и красные глинистые обрывы, полыньи становятся больше и чаще. Снѣгъ на льду мѣстами промокаетъ совсѣмъ отъ скопляющейся сверхъ него воды, а затѣмъ вся рѣка становится все пестрѣе, синѣе и грязнѣе. Наконецъ дорога совсѣмъ чернѣетъ, по Волгѣ ѣздятъ только или за льдомъ или на легкѣ, и то въ экстренныхъ случаяхъ. Поля, лежащія вокругъ Волги, обнажаются все замѣтнѣе и замѣтнѣе; однимъ словомъ чувствуешь, что природа пробуждается отъ своего полугодоваго сна, стряхивая съ себя леденящій ее покровъ. Кой-гдѣ слышится пѣснь жаворонка; крестьяне встрепенулись—весна на носу, а съ наступленіемъ ея прибавляются ихъ заботы; одни спѣшатъ къ починкѣ вооружающихся судовъ, другіе отправляются въ городъ съ накопленными за зиму запасами масла, яицъ, сыра и т. п., надѣясь, передъ праздниками, выгодно продать ихъ; третьи ѣдутъ получить отъ купца заработанныя деньги. Съ другой строны, многіе бредутъ съ дальнихъ заработокъ на родину, въ семью на лѣтнюю работу. А Волга дѣлается все синѣе и синѣе, все опаснѣе и коварнѣе становится ледъ!.. И счастливъ тотъ, кто въ это время, проѣзжая Волгу, отдѣлается легкимъ купаньемъ въ полыньи, а то бывало, что и безъ вѣсти пропадали.

Особенно часты несчастные случаи во время самаго ледохода. Волга рѣдко проходитъ безъ промежутковъ въ нѣсколько дней. Большею частію за недѣлю, или за полторы, до вскрытія, вода въ Волгѣ начинаетъ прибывать, поднимаетъ ледъ и образуетъ широкія закраины, по которымъ рыбаки разъѣзжаютъ себѣ въ лодочкахъ еще тогда, когда по среди Волги ѣздятъ на саняхъ. Для перевоза въ это время устраиваютъ съ берега на ледъ мостки, или если закраины очень широки, то перевозятъ на большихъ лодкахъ. Настаетъ наконецъ давно желанный день, и Волга тронулась, но тронулась не много: пройдетъ ледъ полъ версты или версту и опять остановится, иной разъ на цѣлую недѣлю, въ продолженіи которой онъ трескается и ломается о берегъ.

Ледоходы отрываютъ отъ береговъ каменья, перенося ихъ на фарватеръ *); черезъ это задерживаются частицы песку, несомыя теченіемъ, черезъ что дѣлаются осадки, которыя, увеличиваясь отъ времени до времени, образуютъ болѣе или менѣе значительные песчаные наносы, называемые *розсыпями*. Если эти осадки возникаютъ у береговъ, то называются *побочнями* и *косами*.

Часто нѣсколько побочней, лежащіе одинъ вблизи другаго, на противуположныхъ берегахъ, соединяются въ общую насыпь, идущую, въ родѣ порога, поперегъ всей рѣки, тогда насыпи эти называются *перекатами*.

Дно Волги, почти на всемъ ея протяженіи, песчаное, отсюда легко понять причину частыхъ измѣненій ея русла. Въ иныхъ мѣстахъ струя теченія смываетъ берега и уноситъ за собою размытыя частицы, которыя идутъ ко дну тамъ, гдѣ теченіе это ослабѣваетъ и такимъ образомъ составляется *мель*.

Мели, отдѣленныя отъ берега нѣкоторыми промежутками, называется *осередками;* изъ нихъ на слѣдующій годъ могутъ образоваться *острова,* изъ которыхъ многіе не покрываются

*) Фарватеръ — русло, глубочайшее мѣсто рѣки.

водою, такъ что на нихъ воздѣлываютъ пашню и разводятъ огороды.

При устьѣ Волги, имѣющемъ до 150 верстъ ширины, находится множество острововъ, поросшихъ камышемъ до $1^1/_2$ сажень вышиною; тамъ водятся кабаны, волки и лисицы.

Правильное судоходство по Волгѣ считается не болѣе половины года: съ половины апрѣля, до первыхъ заморозковъ, т. е. до начала второй половины октября. Верхнее теченіе Волги, которое считается отъ истоковъ ея до впаденія р. Оки, и даже половина средняго теченія, до впаденія въ нее р. Камы, съ половины уже октября мѣсяца покрывается порядочными льдинами и навигація заканчивается въ это время отъ Царицина до Самары; въ остальной части теченія судоходство продолжается, съ постоянными перерывами, вслѣдствіе мелей и частыхъ бурь, до первыхъ чиселъ ноября; но съ этаго времени Волга начинаетъ постепенно заволокиваться *саломъ*, мелкой массой льда и въ концѣ ноября останавливается сплошной массой, облекаясь вся въ ледяной покровъ, а въ декабрѣ начинается ѣзда по льду.

Судоходство по Волгѣ бываетъ двоякое: *взводное*, т. е. вверхъ противъ теченія и *сплавное* — по теченію.

Главнѣйшими двигателями взводнаго судоходства — пароходы. За ними слѣдуютъ коноводныя машины. Иныя суда тянутся вверхъ лошадьми, а другія людьми, называемыми *бурлаками*. Но это встрѣчается только въ верховьи, гдѣ ширина небольшая и глубина среднимъ числомъ до 1 аршина.

На Волгѣ употребляются *буксирные* пароходы отъ 50 до 460 лошадиныхъ силъ; они прицѣпляютъ къ себѣ нѣсколько нагруженныхъ судовъ, называемыхъ *баржами* (барками), приспособленныхъ собственно для перевозки тяжестей, либо другія суда, плавающія по Волгѣ, и ведутъ ихъ по назначенію.

Баржи могутъ поднимать грузу отъ 50—70 тыс. пуд.; пароходъ въ 400 силъ можетъ тащить противъ теченія отъ 3 до 4-хъ баржъ, со скоростію 70 — 100 верстъ въ сутки.

Сплавное судоходство производится большею частію безъ пособія пароходовъ и совершенно безопасно во время всей навигаціи, поэтому, едва ли оно когда либо измѣнится.

За буксирными пароходами слѣдуютъ пароходы *кабестанные*; они приводятся въ движеніе посредствомъ каната съ якоремъ, который завозится впередъ на всю длину каната и бросается въ воду, другой конецъ его передается на судно и навертывается на устроенный на немъ валъ или воротъ, приводимый въ движеніе силою паровъ или лошадьми. По мѣрѣ навертыванія, канатъ придвигаетъ судно къ якорю; въ это время завозятъ другой якорь, потомъ третій и т. д.

Въ верховьи Волги главное судоходное движеніе происходитъ между городами Рыбинскомъ и Тверью.

Теперь мы перейдемъ къ осмотру замѣчательнѣйшихъ пунктовъ, лежащихъ на Волгѣ.

Тверь. — По своему выгодному пункту въ отношеніи путей сообщенія и очень живописному мѣстоположенію, и какъ главная пристань, Тверь занимаетъ, безъ сомнѣнія, первое мѣсто между другими приволжскими городами.

Она раскинута по обоимъ берегамъ Волги, въ которую тутъ же впадаетъ еще рѣка Тверца.

Нагорный берегъ обнесенъ откосомъ и чистою набережною, по которой расположены красивыя и большею частію каменныя строенія новѣйшей архитектуры. Здѣсь почти всѣ улицы мощеныя и по одной изъ значительныхъ по срединѣ проходитъ бульваръ, обсаженный деревьями. По этому же берегу еще разведенъ хорошій бульваръ при устьѣ р. Тьмака, около дворца, на мѣстѣ бывшей крѣпости, или кремля.

Множество древнихъ церквей и монастырей, какъ памятники бывшаго могущества города, въ историческомъ отношеніи играв-

шаго не маловажную роль, вообще оставляютъ пріятное впечатлѣніе. Тверь была главнымъ городомъ сильнаго удѣльнаго княжества Тверскаго. Въ настоящее время считается въ Твери до 60 фабрикъ и заводовъ, изъ нихъ болѣе замѣчательны: бумагопрядильни, желѣзнорѣзательные и крахмальные заводы.

Еще стоитъ обратить вниманіе на докъ и мастерскія, устроенные отъ пароходнаго общества „Самолетъ“ при устьѣ р. Тьмаки, чрезъ устье котораго пароходы вводятся въ докъ для починокъ и на зимовку. Остальное же болѣе или менѣе замѣчательно какъ и въ прочихъ большихъ губернскихъ городахъ.

Съ одной стороны, въ четырехъ верстахъ отъ города, проходитъ Николаевская желѣзная дорога, а съ другой Волга; оба пути, какъ искуственный, такъ и естественный, соединены довольно исправными шоссе. Чрезъ самый городъ проходитъ Петербурго-Московское шоссе и отъ него идетъ большая почтовая дорога на Смоленскъ.

Жители Тверской губерніи, подобно ярославцамъ, занимаются большею частью промыслами на сторонѣ. Не безинтереснымъ будетъ разсмотрѣть, какъ эти промышленники достигаютъ благосостоянія: они оставляютъ свои дома съ ранняго возраста и пускаются болѣе въ Москву, гдѣ знакомые имъ односельцы принимаютъ ихъ подъ свое покровительство и пускаютъ по городу съ ягодами, орѣхами, квасомъ и другими мелочами; другихъ пристраиваютъ въ трактиры и сидѣльцами въ лавочкахъ. Пройдя такую школу, въ лѣтъ 20 и болѣе, они пріобрѣтаютъ самостоятельность, начинаютъ торговать отъ себя: одни накупаютъ рыбы, икры, апельсиновъ и торгуютъ въ разносъ, другіе открываютъ небольшія лавки со всячиной и при благоразумной распорядительности и бережливости наживаютъ деньги, отсылая часть на поддержаніе семьи. Эти въ свою очередь выводятъ своихъ.

На правомъ и возвышенномъ берегу Волги, расположенъ довольно обширный городъ со множествомъ церквей — это древняя столица удѣльнаго угличскаго княжества, г. *Угличъ*. До сихъ поръ сохранилось замѣчательное въ историческомъ отношеніи, бывшее княжеское жилище, называвшееся крѣпостью, кремлемъ. Тутъ же находится дворецъ царевича Дмитрія, древнѣйшее зданіе въ Угличѣ, два раза подновлявшееся. Невдалекѣ отъ этого дворца, на самомъ берегу Волги, на высокой крутизнѣ построена *церковь царевича Дмитрія на крови* гдѣ, по преданію, былъ убитъ царевичъ.

Отличительная промышленность угличанъ состоитъ въ торговлѣ холстами, кожами, шитьѣ мѣшковъ и т. д. Лѣвый берегъ Волги обращаетъ на себя вниманіе по своей горѣ Богоявленской, которая возвышается надъ всѣми окрестностями; дальше раскиданы усадьбы съ зеленѣющими садами и рощами— вообще мѣстоположеніе чрезвычайно живописно.

При г. Мологѣ, находящемся ниже Углича, Волга достигаетъ самой высшей точки къ сѣверу и отсюда дѣлаетъ крутой поворотъ къ Востоку на Югъ. Здѣсь р. Молога служитъ началомъ Тихвинской системѣ.

Рыбинскъ, на 335 верстѣ отъ Твери, замѣчателенъ по обширной торговой пристани, куда стекается множество товаровъ изъ другихъ губерній для выгрузки и перегрузки въ суда малыхъ размѣровъ, приспособленныхъ къ плаванію по верхней части Волги и по водянымъ системамъ; здѣсь же начало Маріинской системѣ по р. Шекснѣ. Рыбинская пристань тянется на нѣсколько верстъ и раздѣляется на 9 частей. Въ лѣтнее время сюда стекается до 100 тысячъ рабочаго люду. Внѣшность города представляетъ не привлекательную картину, нечистота, гадость, удушливый запахъ и тьма нищихъ — все это доказываетъ низкую степень развитія въ жителяхъ, отсутствіе вкуса, чистоты, опрятности, даже простыхъ гигіеническихъ условій не соблюдается — вездѣ грязь.

Въ настоящее время отъ Рыбинска до станціи Бологое на Николаевской желѣзной

*

дорогѣ, проводится другая желѣзная дорога, которая будетъ перевозить грузы прямо изъ Рыбинска на станцію Бологое.—Черезъ это хлѣбная торговля пойдетъ еще шибче, такъ какъ только часть хлѣба будетъ отправляема въ Петербургъ по водѣ. — Провозъ грузовъ по р. Шекснѣ, и за тѣмъ по каналамъ Маріинской системы, до сихъ поръ былъ чрезвычайно затруднителенъ, встрѣчались постоянныя задержки отъ мелководія и частыхъ мелей, что и подало мысль объ устройствѣ желѣзной дороги изъ Рыбинска къ станціи Бологое.

На пути изъ Рыбинска въ Ярославль останавливаетъ на себѣ вниманіе путешественника, *Толгскій монастырь*, чрезвычайно красиво расположенный близъ вѣковой кедровой рощи. — Самый *Ярославль*, какъ и большинство городовъ, лежащихъ на Волгѣ, расположенъ чрезвычайно живописно; живописность эту увеличиваетъ еще гористое мѣстоположеніе и прекрасная набережная.

Въ Ярославлѣ былъ основанъ въ концѣ прошлаго столѣтія, купцомъ Волковымъ, первый русскій театръ;—теперь же этотъ городъ замѣчателенъ тѣмъ, что тамъ находится Демидовскій юридическій лицей.—Павелъ Григорьевичъ Демидовъ принадлежалъ къ числу знаменитѣйшихъ людей царствованія Императора Александра I; владѣя большимъ богатствомъ, онъ употреблялъ его на распространеніе просвѣщенія; въ Ярославлѣ поставленъ ему памятникъ. Въ настоящее время Ярославль соединяется съ Москвою желѣзною дорогою, что не мало увеличитъ его торговую дѣятельность.

На половинѣ пути между Ярославлемъ и Костромою находится монастырь *Николая Чудотворца* на *Бабайкахъ*. Преданіе гласитъ, что первая церковь монастыря построена изъ *бабаекъ*, особаго рода веселъ, употребляемыхъ при сплавѣ лѣса, которыя сплавщики, по заведенному древнему обычаю, отдаютъ и до сихъ поръ въ пользу монастыря, потому что съ этого мѣста употребленіе бабаекъ становится не нужнымъ, хотя еще до Костромы встрѣчается довольно отмелей и камней.

Въ предмѣстіи г. Костромы, на правомъ берегу р. Костромы достоинъ особеннаго вниманія богатый и замѣчательный въ русской исторіи монастырь *Ипатьевскій*, гдѣ пострижена была В. К. Ксенія, изъ дома Романовыхъ, въ инокиняхъ Марфа Іосифовна,— мать малолѣтняго Михаила Ѳеодоровича, избраннаго всѣмъ земствомъ въ 1612 году въ цари отъ всей русской земли.

Въ самой Костромѣ замѣчателенъ, поставленный на Центральной площади, памятникъ крестьянину Ивану Сусанину, погибшему въ томъ же году отъ руки поляковъ, когда онъ вмѣсто того, чтобы привести ихъ въ Ипатьевскій монастырь, завелъ въ лѣсъ.

Нижній-Новгородъ, одинъ изъ древнихъ городовъ Россіи, стоитъ при сліяніи р. Волги съ р. Окою. — Въ Кремлѣ, который сохранился еще довольно хорошо, находятся: памятникъ двумъ народнымъ героямъ, Минину и Пожарскому, два собора, изъ которыхъ, въ Спасопреображенскомъ похороненъ Мининъ. Тутъ же есть много драгоцѣнныхъ иконъ, изъ которыхъ больше всего чтутся: мѣстная икона *Иверскія Пресв. Богородицы* и Византійская икона *Божіей Матери Одигитріи*.

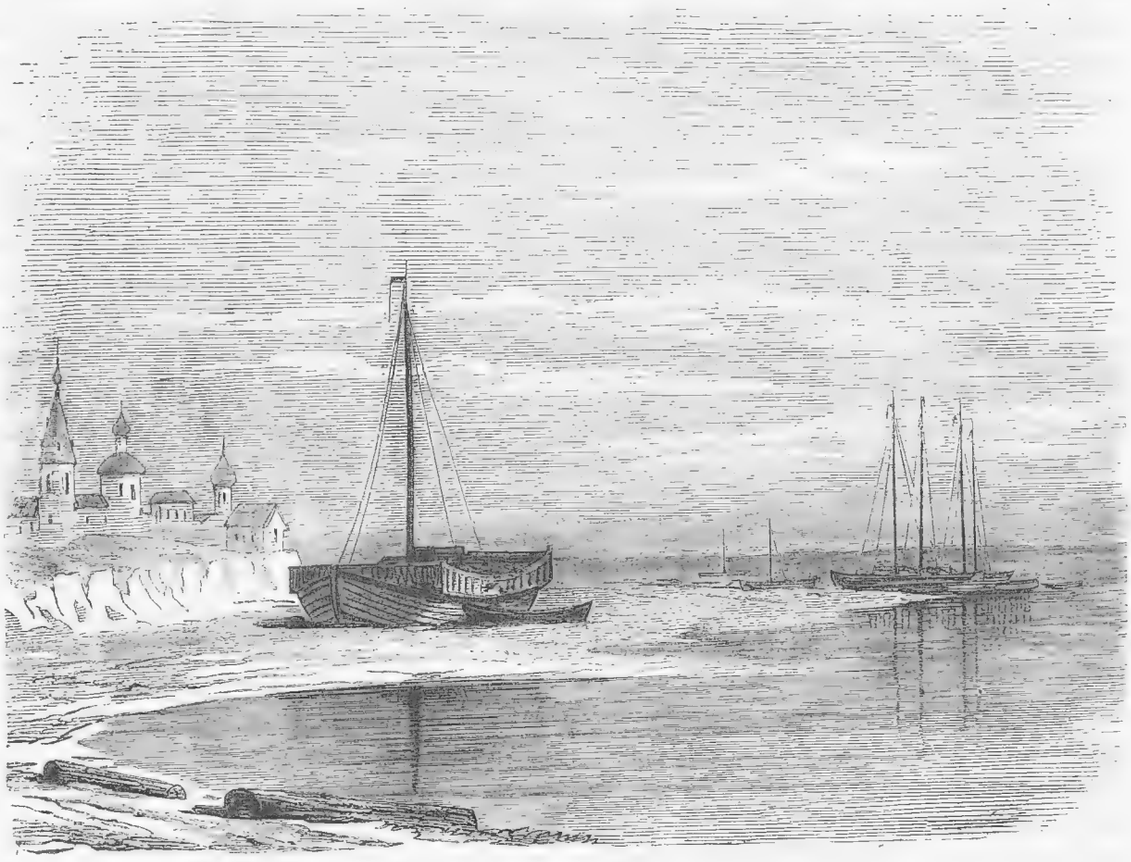
Мѣстная промышленность и торговля незначительны — все поглощается ярмаркой.

Въ Нижнемъ ремесла хотя и незначительны, но между сословіемъ ремесленниковъ попадаются такіе, какъ Вѣсовщиковъ—механикъ, дѣлающій въ Россіи лучшіе вѣсы; онъ изобрѣтатель разныхъ машинъ, въ томъ числѣ машинки для закупориванія бутылокъ; она употребляется во всей Европѣ, а въ Петербургѣ выписывается изъ-за границы!

Впрочемъ это не первый механикъ-самоучка: здѣшній уроженецъ, извѣстный въ вѣкъ Екатерины II, *Кулибинъ* былъ членомъ академіи наукъ, его яйце-образные часы, поднесенные Императрицѣ, модель моста чрезъ Неву въ одну арку, находятся въ эрмитажѣ,

а другія хранятся въ кабинетѣ института путей сообщенія. Онъ первый въ Россіи дѣлалъ телескопы, не зная какъ ихъ дѣлаютъ за границей.

Императрица предлагала Кулибину чинъ и мѣсто, но онъ остался при своемъ и отъ всего отказался. Подъ старость, судьба преслѣдовала Кулибина, онъ умеръ на родинѣ въ крайней бѣдности, стремлясь отыскать perpetuum mobile *). Самоходное судно, имъ изобрѣтенное до появленія пароходовъ, завѣщалъ онъ нижегородскому обществу, а нижегородцы хорошо распорядились этимъ даромъ: никогда не спуская на воду, какъ сухой и легко сгораемый матеріалъ, употребили его на отопленіе думы! Въ этой же думѣ держится портретъ этого механика-самоучки, но безъ рамки. Достойно замѣчанія, что въ Нижнемъ былъ построенъ первый военный корабль, бывшій на русскихъ водахъ и принадлежалъ гольстинцамъ, которые хотѣли завести торговлю съ Персіей чрезъ Россію. А при Петрѣ I здѣсь строились суда для азовскаго похода.



Р. Волга.

Главный путь сообщенія для Нижняго есть, безъ сомнѣнья, желѣзная дорога, проведенная сюда отъ Москвы чрезъ Владиміръ.

Самая главная достопримѣчательность Нижняго, это ярмарка, на которую собираются торговцы со всей Россіи и изъ Азіи. Волжская торговля еще въ древнія времена имѣла ярмарочный характеръ, а въ послѣднее время характеръ этотъ еще болѣе развился.

*) *Вѣчное движеніе*, т. е. придумать такую машину, которая, приведенная разъ въ движеніе, не останавливалась бы, продолжала бы двигаться, безъ посторонней помощи.

Ярмарка по закону начинается съ 15-го іюля и продолжается до 25 августа. Трудно опредѣлить число людей на ярмаркѣ, но среднимъ числомъ, въ торговую пору, на день приходится до 200 тысячь человѣкъ и въ это время ярмарочныя зданія, состоящія изъ 60 каменныхъ рядовъ съ 2,500 лавокъ, мгновенно преобразовываются въ оживленный и многолюдный городъ. Такъ, или близко къ этому, тянется ярмарка до половины сентября, хотя по закону она считается закрытою съ 25 августа. Ежегодно на ярмарку, среднимъ числомъ, привозится на 50 мил. руб. сер. разныхъ товаровъ, которые можно раздѣлить на: 1) туземные, 2) европейскіе и колоніяльные и 3) азіятскіе. Между товарами Азіи первое мѣсто занимаетъ чай, продажа котораго имѣетъ сильное вліяніе на торговыя дѣла всей ярмарки. Изъ русскихъ издѣлій, по количеству сбыта, особенно важны: разнаго рода хлѣбъ, мѣха, кожи, чугунъ, желѣзо, издѣлія изъ этихъ металловъ, хлопчатобумажныя и шелковыя ткани, сукно, рыба и т. п.

Казань расположена въ 7 верстахъ отъ берега Волги на лѣвомъ берегу, при р. Казанкѣ. Весною, во время разлива, обѣ рѣки сливаютъ свои воды, покрывая всѣ низменности и подходя подъ самый городъ, почему и кажется, будто онъ стоитъ на озерѣ. По торговымъ оборотамъ, Казань, послѣ Рыбинска, есть главнѣйшій пунктъ на Волгѣ, такъ какъ она служитъ, для Балтійской дороги, промежуточнымъ рынкомъ между Европейскою Россіею и Азіятскою.

Время построенія Казани въ точности неизвѣстно; преданіе же говоритъ, что она основана въ XIII столѣтіи однимъ изъ татарскихъ царей. Считаясь столицею татаръ, она была долгое время грозою для сосѣднихъ русскихъ княжествъ и наконецъ была взята царемъ Іоанномъ Грознымъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ покорилъ и все казанское царство.

Изъ достопримѣчательностей Казани мы остановимся на слѣдующихъ: въ сѣверозападной части города стоитъ Кремль, на обрывистомъ холмѣ, обнесенный каменной стѣною; онъ обведенъ бульваромъ и служитъ началомъ холмовъ, на которыхъ построены сѣверная и восточная части города. Къ югу, эти холмы оканчиваются низменностью, за которою, опять на высокомъ мѣстѣ, расположена Адмиралтейская слобода. Въ слободѣ при Петрѣ Великомъ и послѣ строились всякаго рода суда для Каспійской флотиліи и для командъ разъѣзжавшихъ по Волгѣ въ виду охраненія торговли отъ грабежей. Теперь все это упразднено. Здѣсь же подъ навѣсомъ хранится галера „*Тверь*“, на которой Императрица Екатерина II совершила свое путешествіе по Волгѣ.

Между слободой и городомъ находится памятникъ, поставленный надъ могилою убитыхъ при взятіи Казани; онъ имѣетъ видъ усѣченной пирамиды. Внутри его устроены четыре келіи, а въ срединѣ церковь, гдѣ совершается каждую субботу и воскресеніе богослуженіе однимъ изъ іеромонаховъ Зилоитова монастыря. Зилоитовъ монастырь стоитъ на Зилоитовой горѣ, названной такъ потому, что, какъ говоритъ преданіе, въ одной изъ ея пещеръ живалъ когда-то крылатый змѣй Зилоитъ.

На противоположномъ берегу Казанки, за Адмиралтейской слободой, находится пороховой заводъ, снабжающій порохомъ и другими огнестрѣльными снарядами преимущественно Сибирь, Астрахань и Кавказъ. Къ востоку отъ города разстилается обширная равнина, извѣстная подъ названіемъ Арскаго Поля. Здѣсь, до взятія Казани русскими, происходила ярмарка, на которую стекалось множество торговцевъ изъ сосѣднихъ государствъ и даже изъ Китая, Персіи и Индіи; въ настоящее время Арское Поле застроено прекрасными зданіями Родіоновскаго института, военнаго госпиталя и духовной академіи. Далѣе еще, за общественнымъ кладбищемъ, влѣво, на мѣстности, пересѣченной

обрывами, тянется березовая роща, служащая мѣстомъ лѣтней загородной прогулки и названная, по своему живописному мѣстоположенію, Швейцаріей. Въ самомъ городѣ находится университетъ, на дворѣ котораго поставленъ памятникъ изъ бронзы нашему знаменитому поэту Гавріилу Романовичу Державину. Изъ всѣхъ городскихъ зданій особенно выдается колоссальная башня Сююмбеки, или Сумберки, очень красивое зданіе, оставшееся отъ прежняго величія татаръ.

Чудотворная икона Казанской Богоматери стоитъ въ храмѣ каѳедральнаго Благовѣщенскаго собора, построеннаго весьма изящно, въ новѣйшей архитектурѣ и въ колоссальныхъ размѣрахъ. Въ 9 верстахъ отъ Казани находится сѣверовосточная ферма для земледѣльцевъ съ училищемъ.

Торговля и промышленность Казани сильно развиты; въ ней находятся до 130 заводовъ, большинство которыхъ кожевенные, мыловаренные и т. п., и фабрикъ, по преимуществу кожевенныхъ и китайчато-бумажныхъ.

Не далеко отъ Казани, напротивъ с. Богородскаго, впадаетъ въ Волгу р. Кама, и водами своими отбрасываетъ ее на югозападъ и отсюда ширина послѣдней замѣтно увеличивается, и за Симбирскомъ, подъ г. Сенгилеемъ, доходитъ до 8 верстъ.

Подъ с. Тетюшами идутъ самыя высокія во всей Казанской губерніи горы, содержащія въ себѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самородную сѣру. Тутъ же, по берегу течетъ чисто нефтяной ручей, водою котораго пріѣзжаютъ сюда лечиться. На лѣвомъ берегу Волги, нѣсколько выше Тетюшъ, близъ г. *Спаска*, находятся развалины г. Болгаръ — бывшей столицы нѣкогда славнаго царства Болгарскаго.

Кромѣ развалинъ Болгаръ, по Волгѣ и Камѣ и ихъ притокамъ разбросано много селеній, бывшихъ когда-то городами и служащихъ доказательствомъ жизни Болгарскаго народа, теперь совершенно исчезнувшаго съ лица земли.

Симбирскъ. — На высокомъ правомъ берегу расположенъ, весь въ садахъ, губернскій городъ Симбирскъ. Съ берегу онъ не видѣнъ; подходя къ нему съ Волги, нельзя предположить, что подходишь къ большому городу, потому что подгорная его часть съ ея бѣдными и разбросанными въ безпорядкѣ домами болѣе походитъ на деревню, чѣмъ на городское предмѣстье.

Въ 1864 году Симбирцы потерпѣли страшное опустошеніе отъ ужаснѣйшаго пожара, истребившаго буквально весь городъ, который только теперь начинаетъ понемногу оправляться.

Въ Симбирскѣ находится и уцѣлѣлъ отъ пожара памятникъ извѣстному исторіографу Николаю Михайловичу Карамзину. Онъ состоитъ изъ бронзовой статуи на гранитномъ пьедесталѣ, обнесенномъ бронзовой рѣшеткой.

Начиная отъ Симбирска, селенія на берегахъ Волги встрѣчаются все рѣже и рѣже; къ тому же и самыя берега совсѣмъ не походятъ другъ на друга, — правый весь покрытъ высокими, почти сплошными горами, поросшими густымъ лѣсомъ, — лѣвый же низокъ и похожъ болѣе на степь.

За Симбирскомъ замѣчательно *с. Усолье*, въ которомъ прежде занимались добываніемъ соли; тогда оно было обнесено стѣнами и бойницами, а для наблюденія за набѣгами грабителей устроена сторожевая башня. Въ настоящее время сооружена на томъ мѣстѣ каменная башня, состоящая почти изъ однихъ оконъ и потому называемая *Усольской свѣтелкой*. Отъ этой свѣтелки начинаются Жегулевскія горы, замѣчательныя по своей живописности; въ горахъ этихъ, въ прежнія времена, укрывались разбойничьи шайки; нѣкоторая часть изъ нихъ, самая неприступная, и до сихъ поръ носитъ названіе Стенькиныхъ Кургановъ, въ память извѣстнаго разбойника Стеньки Разина.

Самара — принадлежитъ къ числу новѣйшихъ, быстро возрастающихъ городовъ. Кра-

сиво расположенный по берегу Волги, онъ по самому положенію своему занимаетъ чрезвычайно выгодное мѣсто, какъ складочный пунктъ пшеницы, имѣетъ торговыя и пароходныя пристани, чему и обязанъ своимъ замѣчательно быстрымъ развитіемъ.

Лежащіе ниже Самары всѣ уѣздные города отличаются тѣмъ, что въ каждомъ изъ нихъ находятся если не хлѣбная пристань, то хлѣбные амбары или кладовыя. До устройства желѣзныхъ дорогъ, Волга была единственнымъ путемъ, по которому провозился весь хлѣбъ нашихъ южныхъ губерній въ Петербургъ и за границу.

Послѣ г. Вольска начинаютъ встрѣчаться по обѣимъ сторонамъ Волги нѣмецкія колоніи, изъ коихъ замѣчательна по своимъ красивымъ зданіямъ, величинѣ и наконецъ какъ хлѣбная пристань, колонія Екатериненштадтъ или Баронскъ. Здѣсь устроена учительская семинарія и воздвигнутъ монументъ основательницѣ колоній Императрицѣ Екатеринѣ II.

Саратовъ. Названіе его татарское, состоитъ изъ двухъ словъ: *Сара*—желтый, *тау*—гора, и дано вѣроятно отъ высокой глинистой желтаго цвѣта горы, на которой городъ этотъ лежалъ прежде, на противуположномъ берегу Волги.

Саратовъ могъ бы сдѣлаться, по своему хорошему и удобному положенію, однимъ изъ главныхъ рынковъ всей азіятской торговли и замѣчательною хлѣбною пристанью, но мѣстные жители слишкомъ лѣнивы для этого; они не охотно принимаются за работу, такъ что женщины трудолюбивѣе мужчинъ и онѣ, зачастую, кормятъ и содержатъ своихъ мужей, въ особенности зимою, когда не бываетъ такой надобности въ рабочихъ рукахъ.

Послѣ Саратова замѣчателенъ — *посадъ Дубовка*, принадлежащій къ числу новѣйшихъ колоній; здѣсь во времена Императрицы Екатерины было главное мѣстопребываніе волжскаго казачьяго войска, которое всей своей силой поддерживало безчинства Пугачева, за что и было переселено на р. Терскъ, а на его мѣсто переведены жители изъ другихъ губерній, большею частью малороссійскихъ. Дубовка чрезвычайно важная пристань, куда ежегодно привозятъ изъ Нижняго и Саратова хлѣбъ, а изъ губерній Казанской, Вятской и Костромской — лѣсъ, смолу, рогожи и вообще всѣ деревянныя издѣлія, всего на сумму до пяти милліоновъ рубл. сереб. Отсюда къ Качалинской пристани, лежащей на р. Донъ, идетъ желѣзноконная дорога, по которой возятъ товары, слѣдующіе съ Волги на Донъ; иногда на каткахъ перевозятъ съ одной пристани на другую цѣлыя суда со всѣмъ ихъ грузомъ.

Съ устройствомъ желѣзной дороги отъ Качалинской пристани на Дону, къ г. *Царицыну*, значеніе Дубовки должно уменьшиться, за то увеличится значеніе Царицына, который теперь находится въ очень бѣдственномъ положеніи.

Отъ Царицына начинаются степныя кочевья калмыковъ. На одномъ пути переѣзда отъ Царицына, при р. Сарпѣ, расположена красиво обстроенная колонія *Сарепта*, главное мѣсто нѣмецкихъ колонистовъ, примѣчательнѣйшая колонія изъ всѣхъ остальныхъ, какъ по трудолюбію и нравственности, такъ и по образованію. Между колонистами не рѣдкость встрѣтить окончившихъ воспитаніе въ университетѣ. Жителей не болѣе полтысячи душъ, но фабричная промышленность здѣсь процвѣтаетъ. Изъ фабрикъ извѣстны: горчичная, табачная, каменной посуды, хлопчато-бумажная и сахарный заводъ. Для сбыта этихъ произведеній у нихъ устроены свои магазины въ Саратовѣ и С. Петербургѣ.

Не доѣзжая верстъ 50 къ Астрахани, на луговой низменности, расположены строенія калмыцкаго князя Тюменя, обсаженныя деревьями и походящими на загородное жилище зажиточнаго человѣка. Строенія эти китайской архитектуры. Въ верстахъ же 5 отъ Астрахани лежитъ село *Калмыцкій базаръ*,

состоящій изъ кибитокъ, въ которомъ живетъ лама, священное лице калмыковъ.

Наконецъ послѣдній городъ Волги *Астрахань*, бывшая столица Астраханскаго царства. *Астрахань* раскинута на лѣвомъ берегу Волги; она основана самимъ Петромъ Великимъ въ 1722 г. и до сихъ поръ служитъ нашимъ главнымъ военнымъ портомъ при Каспійскомъ морѣ.

ХЛОПЧАТНИКЪ.

Хлопчатникъ, (по франц. — cotonnier, по нѣм. — Baumwollephlanze, по англ. — cotton), принадлежитъ къ числу наиполезнѣйшихъ растеній: на немъ произрастаетъ *хлопокъ*, изъ котораго выдѣлываютъ ситецъ, кисею и другія хлопчато-бумажныя ткани и матеріи, извѣстныя въ настоящее время между всѣми образованными и полуобразованными народами земнаго шара.

Хлопчатникъ дѣлится ботаниками на многочисленные роды и разряды, смотря по виду и величинѣ тѣхъ частей, изъ которыхъ онъ составленъ. Упоминать обо всѣхъ этихъ подраздѣленіяхъ мы считаемъ лишнимъ и притомъ это заняло бы слишкомъ много мѣста; поэтому мы укажемъ на три самыхъ важныхъ рода хлопчатника:

1) *Травяной хлопчатникъ*, большею частью возвышается не менѣе какъ на 3 дюйма отъ поверхности земли, иногда же достигаетъ до 3 и 6 футовъ вышины; въ первомъ случаѣ онъ принадлежитъ совершенно къ разряду *годичныхъ травяныхъ растеній*, въ послѣднемъ же имѣетъ деревянистый стволъ. Отличительные признаки травянаго хлопчатника слѣдующіе: листья его коротки, округлены въ основаніи, а заканчиваются остроконечіемъ. Цвѣтокъ блѣдно-желтый, имѣетъ на концѣ каждаго лепестка ярко красное пятнышко; коробочка, въ которой содержатся хлопчатыя волокна, раздѣлена на три сѣмянныхъ гнѣздышка; хлопокъ чисто бѣлаго или желтоватаго цвѣта. Травяной хлопчатникъ преимущественно находится на востокѣ.

2) *Дерево-образный хлопчатникъ*, достигаетъ до 15 и 18 футъ вышины. Нижняя часть ствола деревяниста. Вѣтви сначала гладки, но въ верхней части покрыты мелкимъ мхомъ; листья насажены на продолговатые черешки, цвѣты совершенно пурпуровые; коробочка раздѣлена на три или на четыре гнѣздышка. Хлопокъ превосходнаго качества. Хлопчатникъ этотъ растетъ въ Индіи, Аравіи и Китаѣ, откуда онъ былъ перевезенъ съ незапамятныхъ временъ на Канарскіе острова и въ Америку, гдѣ дошли до совершенства въ его воздѣлываніи.

3) *Индійскій хлопчатникъ* занимаетъ середину между двумя первыми; онъ имѣетъ отъ 9 до 12-ти футовъ вышины; листья его не велики, а цвѣты то желтые съ пурпоровымъ кончикомъ, то совершенно ярко-красные.

Другіе виды хлопчатника суть только видоизмѣненія трехъ приведенныхъ нами главныхъ родовъ; наглядное понятіе о самомъ растеніи даетъ прилагаемый при семъ рисунокъ. Въ торговлѣ принято совершенно другое подраздѣленіе: тутъ хлопокъ называютъ именемъ той страны, въ которой его добываютъ и затѣмъ еще дѣлятъ по длинѣ нитей. Лучшимъ считается хлопокъ, добываемый въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Изъ него выдѣлываются не только ситцы и т. п. болѣе грубыя ткани, но и превосходныя кисеи, тюль и перкаль.

Восточный хлопокъ, къ которому принадлежитъ добываемый въ недавно покоренномъ нами Туркестанѣ, также служитъ къ выдѣлыванію обоихъ сортовъ тканей, какъ грубыхъ, такъ и болѣе тонкихъ. Отличительное его качество — чрезвычайная плотность и прочность.

Для успѣшнаго произрастанія хлопчатника, необходимо, чтобы онъ былъ посаженъ въ жирную, сочную почву, а отнюдь не въ

сухую или песокъ. Выводятъ его слѣдующимъ образомъ: вырываютъ по прямой или косой линіи, ямы, похожія на воронку и имѣющія въ ширину до 3 футъ и не болѣе полуфута глубины, затѣмъ кладутъ сѣмена, но не болѣе какъ 4 или 5 вмѣстѣ. Если хотятъ, чтобы зерна скорѣе проросли, то слѣдуетъ ихъ мочить въ чистой водѣ, въ теченіи 24-хъ или 48-ми часовъ. Дней черезъ восемь послѣ посѣва, хлопчатникъ начинаетъ всходить, тогда необходимо съ особеннымъ тщаніемъ полоть окружающую землю, вырывая слабѣйшія изъ отростковъ и это должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока не покажется цвѣтъ. Съ этихъ поръ до полнаго созрѣванія сѣмени проходитъ 70 дней. Хлопокъ вылезаетъ изъ коробочки тотчасъ по ея раскрытіи; оставлять его болѣе 8-ми дней на стволѣ не годится, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ тускнѣетъ и притомъ вѣтеръ и дождь портятъ его цвѣтъ.

Хлопчатникъ.

По истеченіи 8-ми дней хлопокъ тщательно вынимаютъ руками изъ коробки, стараясь не трогать ея боковъ; когда корзины полны, то его опять вынимаютъ оттуда и растилаютъ для сушки, и уже совершенно сухимъ относятъ въ магазины.

Такъ какъ хлопчатникъ созрѣваетъ не весь одновременно, то уборка продолжается очень долго; такъ напр. въ Бразиліи она начинается въ маѣ и кончается въ августѣ. Для предохраненія же хлопка отъ порчи, уборка его должна производиться непремѣнно въ сухую погоду.

Очищеніе хлопчатой бумаги отъ сѣмянъ производится черезъ машину особаго устройства, состоящую изъ двухъ вертящихся въ противуположныя стороны валиковъ, приводимыхъ въ движеніе водой.

Когда вся операція очищенія хлопка кончается, его укладываютъ въ тюки, при чемъ подвергаютъ прессировкѣ посредствомъ гидравлическаго пресса; тюки бываютъ обыкновенно отъ 15 до 20 пудовъ вѣсомъ.

Главное свойство хлопчатой бумаги не пропускать черезъ себя какъ жаръ, такъ и холодъ, почему и находятся въ такомъ употребленіи въ жаркихъ странахъ хлопчато-бумажныя ткани; только въ Гаваннѣ по какому-то необыкновенному случаю предпочитаютъ этимъ тканямъ пеньковыя. Въ медицинскомъ и гигіеническомъ отношеніяхъ хлопчатая бумага тоже имѣетъ не малое значеніе; такъ напр. всѣмъ извѣстно употребленіе ея, какъ самое лучшее средство, противъ обжоговъ.

Должно быть вслѣдствіе всего этого и былъ извѣстенъ хлопчатникъ въ самыя древнія времена, какъ видно, по крайней мѣрѣ, по разсказамъ древнѣйшаго изъ историковъ Греціи, Геродота. — „Индѣйцы, — говоритъ онъ — обладаютъ какимъ-то растеніемъ, на которомъ, вмѣсто плодовъ, растетъ шерсть, гораздо лучшая, чѣмъ шерсть овецъ; изъ нея-то и дѣлаютъ они себѣ одежду.“

Торговля хлопчато-бумажными тканями и матеріями перешла въ Европу изъ Азіи гораздо позднѣе. Окончательное знакомство европейцевъ съ хлопчатникомъ начинается съ IX столѣтія; въ XIV столѣтіи онъ былъ привезенъ въ Англію, гдѣ сначала его употребляли только для свѣчныхъ свѣтиленъ.

Въ Сѣверо-Американскіе Штаты хлопокъ попалъ только въ 1786 году; американская почва оказалась до того удобной для произ-

растанія хлопчатника, что разведеніе его начало все болѣе и болѣе распространяться и скоро сдѣлалось преимущественной промышленностью этой страны. Первый вывозъ хлопка изъ Соединенныхъ Штатовъ въ 1791 г. не превышалъ 6,370 пудовъ; въ 1839 году количество вывоза доходило до 7.500,000 пуд.; а хлопчато-бумажное производство дало болѣе 3 мил. рублей.

Относительно производства означенныхъ издѣлій первое мѣсто принадлежитъ англичанамъ и американцамъ, которые имѣютъ для этого превосходныя машины.

Говоря о хлопчато-бумажномъ производствѣ, нельзя не упомянуть о нѣкоемъ Оберкампфѣ (Oberkampf), которому принадлежитъ распространеніе выдѣлки *набивныхъ*, или, иначе говоря, цвѣтныхъ (но не выкрашенныхъ) ситцевъ.

Нѣмецъ по происхожденію, Оберкампфъ посвятилъ всю свою дѣятельность Франціи и соединилъ свою судьбу съ судьбою великаго императора французовъ Наполеона I-го. Первая мысль о набивныхъ ситцахъ принадлежитъ отцу Оберкампфа, который, подобно геніальному Фультону (изобрѣтателю паровой машины), не могъ примѣнить эту мысль въ своемъ отечествѣ. По смерти отца, сынъ, поселившись во Франціи, принялся съ удивительной энергіей за приведеніе его идеи въ исполненіе. Въ одно и тоже время рисовальщикъ, типографщикъ и красильщикъ, молодой Оберкампфъ съумѣлъ противустоять всѣмъ препятствіямъ и наконецъ восторжествовалъ. Набивные ситцы его понравились всѣмъ и скоро сдѣлались необходимостью въ каждомъ мало-мальски не бѣдномъ хозяйствѣ. Изобрѣтеніе Оберкампфа наносило вредъ англичанамъ, которые тогда имѣли преимущество въ выдѣлкѣ хлопчато-бумажныхъ издѣлій. Императоръ Наполеонъ I, отъ души ненавидѣвшій англичанъ и желавшій, во что бы то ни стало, нанести какой нибудь вредъ ихъ широкой торговлѣ, былъ радъ этому случаю; онъ обласкалъ Оберкампфа, наградилъ его и черезъ это привязалъ къ себѣ.

Но кончилось величіе Наполеона, покончилось и благополучіе Оберкампфа; послѣ изгнанія императора на островъ св. Елены, въ 1815 году, талантливый фабрикантъ ситцевъ остался безъ поддержки и въ октябрѣ того же года умеръ на порогѣ своего завода, который уже не былъ въ ходу.

Оберкампфъ умеръ, но изобрѣтеніе, обязанное ему своимъ существованіемъ, не умерло: оно перешло въ потомство; набивные ситцы до сихъ поръ употребляются всѣми.

С.

РАЛЬФЪ МИЛЬБУРНЪ.

(Переводъ съ англійскаго.)

Молодой Ральфъ Мильбурнъ терпѣть не могъ, когда надъ нимъ подтрунивали товарищи. Онъ могъ перенѣсти выговоръ отъ наставниковъ, если былъ виноватъ, хотя вообще нельзя было жаловаться на его поведеніе; но чтобъ надъ нимъ смѣялись, оскорбляли его или смотрѣли на него свысока, — нѣтъ, этого онъ не могъ переносить.

Не вдаваясь въ разсужденія, какими качествами превосходилъ Ральфъ Мильбурнъ своихъ товарищей, — мы разскажемъ только, какія онъ принялъ мѣры, чтобы избѣгать подобныхъ непріятностей. Вмѣсто того, чтобы стараться всѣми силами поступать всегда разумно и справедливо, — онъ возмечталъ сдѣлаться великимъ человѣкомъ, отличиться чѣмъ нибудь необычайнымъ, послѣдовать примѣру какого нибудь философа или героя,—

*

какого именно — онъ не могъ сказать опредѣлительно, — и тѣмъ заставить наконецъ своихъ товарищей уважать себя.

Какъ скоро эта мысль поселилась въ головѣ честолюбиваго мальчика, — онъ сталъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ переносить всѣ уколы самолюбія и черезъ чуръ иногда фамильярныя выходки товарищей, неизбѣжныя въ жизни школьника.

— Ничего, думалъ онъ, пусть товарищи обращаются теперь со мной за панибрата, какъ имъ хочется... но настанетъ пора...

Этимъ словомъ онъ очень благоразумно заканчивалъ свои размышленія, — потому, что путь къ достиженію превосходства, которымъ онъ намѣренъ былъ идти — не совсѣмъ еще ясно обозначился въ его умѣ.

Впрочемъ онъ надѣялся достигнуть своей цѣли. Надѣялся, несмотря даже на то, что далеко не былъ первымъ въ школѣ ни по способностямъ, ни по познаньямъ, ни даже по прилежанію.

Исполненный честолюбивыхъ надеждъ, Ральфъ Мильбурнъ часто избѣгалъ игръ товарищей и скрываясь за густою ивовою изгородью, безмолвно просиживалъ рекреаціонные часы на каменныхъ ступеняхъ крыльца училища. Мальчики почти никогда не заглядывали въ это уединенное мѣсто. Никто здѣсь не мѣшалъ Ральфу мечтать о будущемъ своемъ величіи и строить разные планы для достиженія его.

Надо сказать, впрочемъ, что онъ былъ очень добрый, съ хорошими наклонностями мальчикъ. Онъ мечталъ также и о томъ, какимъ образомъ могъ бы онъ со временемъ быть полезнымъ другимъ людямъ. Но, какъ это почти всегда случается съ честолюбцами — мысль о собственномъ величіи преобладала надъ другими и онъ разсуждалъ такимъ образомъ:

— Сперва надо пріобрѣсти знаменитость, а потомъ я ужь и буду полезенъ другимъ, потому что тогда каждый съ радостью будетъ слѣдовать моему примѣру и принимать участіе въ моихъ планахъ.

Такъ разсуждалъ онъ въ прекрасные, лѣтніе вечера, сидя на крыльцѣ. Передъ нимъ растилалось обширное пространство, съ обработанными полями, съ деревьями и смиренными хижинами бѣдняковъ. Но никогда не доходилъ онъ до того умозаключенья, что гораздо было бы лучше думать единственно о томъ, какъ бы быть полезнымъ себѣ и обществу — а потомъ уже мечтать о славѣ.

Ральфъ Мильбурнъ былъ сирота; у него не было ни сестеръ, ни братьевъ и по совершеннолѣтіи ему предстояло сдѣлаться наслѣдникомъ значительной собственности.

Съ ранняго дѣтства жилъ онъ въ домѣ своего дѣда, который взялъ его на воспитаніе. Кромѣ него воспитывалась также у дѣда двоюродная сестра Ральфа, Мери, очень небогатая дѣвочка. Ральфъ и Мери жили дружно подъ однимъ кровомъ, какъ братъ съ сестрой, и расходились во мнѣніяхъ только въ одномъ случаѣ: Мери думала, что гораздо лучше жить спокойно и счастливо, нежели мечтать о славѣ, и была не прочь посмѣяться надъ тѣмъ, что ей казалось смѣшнымъ, такъ что Ральфу бывало часто также досадно и скучно дома, какъ и въ школѣ.

Случилось однажды, что Ральфъ, роясь въ библіотекѣ дѣда, увидѣлъ гравюру, изображающую ученаго, и хотя ничто въ этой гравюрѣ не опредѣляло, какой именно наукой занимался этотъ ученый, но она все-таки воспламенила воображеніе Ральфа и ему страхъ какъ захотѣлось быть похожимъ на этого знаменитаго мужа.

— Что ты думаешь о немъ, Мери? сказалъ онъ ей, показывая гравюру.

— Я думаю, что онъ такъ себѣ, ничего, такой же человѣкъ, какъ и всѣ, отвѣтила Мери, взглянувъ на гравюру.

— Что ты хочешь этимъ сказать? вскричалъ Ральфъ съ негодованіемъ. Мое мнѣніе таково, что онъ, кажется, выше обыкновенныхъ людей, выше цѣлаго свѣта.

— И ты, вѣроятно, будешь стараться походить на него? замѣтила Мери слегка усмѣхнувшись концомъ губъ.

Ральфъ терпѣть не могъ этой усмѣшки.

Но предметъ разговора былъ такъ занимателенъ, что онъ скоро забылъ о ней и отвѣчалъ съ важностію:

— Я хотѣлъ бы походить на него, Мери, всей душой хотѣлъ бы. Дай Богъ, чтобы это было возможно для меня.

— Дай-ка мнѣ посмотрѣть, сказала Мери самымъ серьезнымъ тономъ, хотя та же злая усмѣшка опять мелькнула на ея губахъ. Я не думаю, продолжала она, чтобъ было такъ трудно походить на него, особенно еслибъ ты былъ постарше и пріобрѣлъ черный парикъ. Я думаю, тебѣ также понадобится большое кресло, но можетъ быть дѣдушка и свое дастъ, а я берусь повѣсить занавѣски на окно и добыть скамеечку, вотъ какъ тутъ на гравюрѣ...

— Не говори больше ни слова! воскликнулъ Ральфъ сильно разсердясь. Я не буду слушать тебя, если ты будешь продолжать. Я не хочу больше ни съ кѣмъ дѣлиться моими мыслями. Я очень хорошо знаю, каково переносить одиночество и готовъ опять переносить его.

Ральфъ въ негодованіи повернулся и ушелъ въ садъ. Но черезъ нѣсколько минутъ онъ услыхалъ сзади себя по аллеѣ маленькіе шаги, и прежде чѣмъ успѣлъ оглянуться, Мери догнала его и пошла съ нимъ рядомъ. На лицѣ ея въ этотъ разъ не видно было ни малѣйшаго поползновенія къ смѣху. Они стали разговаривать о другихъ предметахъ; но Мери сознавала, что была не совсѣмъ права, и потому была молчаливѣе обыкновеннаго. Она чувствовала себя виноватой потому, что не хорошо подымать на смѣхъ то, къ чему другіе относятся очень серьезно. Она знала также, что выказала мало доброты, насмѣхаясь надъ такимъ предметомъ, который очень близко лежалъ къ сердцу Ральфа—былъ ли онъ правъ или нѣтъ.

— Я говорила съ тобой очень легкомысленно, Ральфъ, боюсь даже, что грубо...

— Нѣтъ, Мери, не грубо, отвѣчалъ онъ поспѣшно и ласково. Но я думаю, что ты говорила и часто говоришь о серьезныхъ вещахъ легкомысленнѣе, нежели слѣдовало бы.

Мери опустила голову и вздохнула въ подтвержденіе того, что Ральфъ сказалъ правду. Но когда онъ началъ высказывать ей, что подразумѣвалъ подъ серьезными вещами, она опять едва удержалась отъ улыбки. Ральфъ говорилъ, что только великія и необыкновенныя вещи заслуживаютъ вниманія и могутъ назваться серьезными.

Съ тѣхъ поръ, какъ Ральфу попалась въ руки картинка, изображающая ученаго, мысли его приняли новый оборотъ. Ему захотѣлось теперь отличиться въ области учености и онъ началъ выискивать въ библіотекѣ своего дѣда самыя толстыя книги. По правдѣ сказать, книги эти были свыше его понятій и читая ихъ,—вмѣсто того, чтобъ достаточно познакомиться съ такими, которыя обыкновенно читаютъ дѣти его лѣтъ,— онъ только по напрасну убилъ время и въ головѣ его происходила путаница. Но это было еще не все. Ученые не ограничиваются однимъ чтеніемъ. Они иногда разрѣшаютъ задачи науки. Ральфъ Мильбурнъ не любилъ этого послѣдняго занятія. Они иногда обращаютъ вниманіе на теченіе небесныхъ тѣлъ и проводятъ ночи въ созерцаніи и изученіи ихъ.

Это послѣднее занятіе казалось Ральфу весьма пріятнымъ. Онъ охотно проводилъ бы ночи, любуясь звѣздами, съ тѣмъ однакоже условіемъ, чтобъ можно было хорошенько выспаться утромъ. Что же касается до оригинальнаго костюма, который отличилъ бы его какъ мудреца отъ прочихъ смертныхъ, то Ральфъ мысленно обѣщался нарядиться въ него, когда достигнетъ совершеннолѣтія. Онъ до того смотрѣлъ на гравюру, изображавшую ученаго, что наконецъ убѣдилъ самъ себя, что этотъ ученый былъ непремѣнно астрономъ,—что бумага, которую онъ

держалъ въ рукѣ, заключала въ себѣ астрономическія вычисленія о теченіи планетъ, и что нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что этотъ ученый проводилъ большую часть ночей въ созерцаніи небесныхъ свѣтилъ. Этому послѣднему обстоятельству не трудно было подражать, и такъ какъ ночи были въ это время теплы и свѣтлы, то Ральфъ открылъ окно, сѣлъ на него и принялся смотрѣть на звѣзды. Правда, что онъ не становился ученѣе отъ этого, но что за дѣло до того — за то онъ былъ похожъ на ученаго.

Для мечтательныхъ натуръ есть нѣчто обаятельное въ тишинѣ лѣтней, лунной ночи.

Ральфъ, сидя на окнѣ, до того смотрѣлъ на покрытую росою траву, на тѣни отъ величественныхъ деревьевъ и на темные, блестящіе ивовые листья, которые висѣли густыми фестонами по сосѣдней стѣнѣ,— что наконецъ ему пришло въ голову,— не лучше ли будетъ наблюдать звѣзды, если онъ вылѣзетъ изъ окна, которое было близко отъ стѣны, — и взгромоздится на иву?

Задумано — сдѣлано.

Онъ вылѣзъ изъ окна, цѣпляясь за вѣтви грушеваго дерева, которое росло близь самаго дома. Затѣмъ попробовалъ вскарабкаться на стѣну, но такъ какъ она была въ этомъ мѣстѣ очень ветха, то кирпичи, за которые схватился Ральфъ, посыпались и онъ чуть-чуть не слетѣлъ на землю и не расшибся. Къ счастью, ему удалось вовремя уцѣпиться за вѣтви ивъ, и съ ихъ-то помощью взобрался онъ наконецъ на стѣну. Паденіе кирпичей и трескъ вѣтвей произвели порядочный шумъ. Ральфу показалось, что надъ головой его, въ верхнемъ этажѣ, кто-то шепчется. Но такъ какъ онъ ужь обогнулъ уголъ стѣны и его нельзя было замѣтить съ той стороны дома, гдѣ находилась его комната, то онъ вскорѣ совершенно успокоился.

— Дѣдушка! дѣдушка, проговорила Мери тихимъ голосомъ, надъ изголовьемъ своего спящаго дѣда, — вы бы хорошо сдѣлали, еслибъ встали. Намъ кажется, что кто-то пробовалъ забраться въ домъ!

— Пробовалъ! воскликнулъ мистеръ Мильбурнъ, вставъ съ постели,—что же съ нимъ сдѣлалось? Куда же онъ дѣвался?

— Убѣжалъ! отвѣчала Мери. Я увѣрена, что онъ убѣжалъ безъ оглядки, потому что,— какъ бы вы думали, что мы сдѣлали — Бетти и я, когда увидѣли его на стѣнѣ? Бетти взяла ведро воды съ чердака и мы съ ней окатили его съ головы до ногъ.

— Браво! вскричалъ дѣдушка. Это было очень находчиво съ вашей стороны. Что негодяй убѣжалъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнья— но надо пойдти посмотрѣть не напроказилъ ли онъ чего. Ты не увѣрена, входилъ ли онъ въ домъ или нѣтъ?

— Вотъ этого-то я и боюсь, отвѣчала Мери. Теперь, когда ужь все прошло, на меня напалъ такой страхъ, что я вся дрожу. Мнѣ теперь гораздо страшнѣе, чѣмъ прежде, когда мы вылили на него ведро воды, хоть я и знаю, что теперь меньше опасности.

— Настоящая женщина! пробормоталъ старый джентльменъ, идя съ внучкою по коридору. Женщины всегда воображаютъ, что непремѣнно должны испугаться, въ такомъ или въ другомъ случаѣ, и если не испугаются вовремя, то всегда успѣютъ это сдѣлать послѣ.

— Ахъ, дѣдушка, прервала его Мери, какую же мы задали ему баню!

Они подошли къ дверямъ комнаты Ральфа, гдѣ стояла испуганная Бетти. Мистеръ Мильбурнъ постучался и Ральфъ отворилъ.

— Ты совсѣмъ одѣтъ, Ральфъ! вскричалъ старый джентльменъ. Ты вѣрно также слышалъ шумъ, какъ Мери и Бетти, окно у тебя открыто, можетъ быть ты видѣлъ какъ убѣжалъ воръ? Въ какую сторону онъ побѣжалъ?

— Я не видалъ никакого, отвѣчалъ Ральфъ угрюмо.

— Развѣ ты ничего не слыхалъ? вскричала Мери. О, что мы сдѣлали? Мнѣ такъ

страшно, просто ужасъ. Поди сюда, я покажу тебѣ гдѣ онъ сидѣлъ.

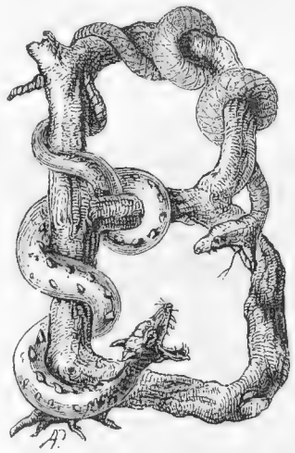
— Тебѣ нѣтъ надобности дергать меня, я и такъ могу видѣть, сказалъ Ральфъ, когда его двоюродная сестра быстрымъ движеніемъ протянула къ нему руку, чтобы показать ему, откуда онъ могъ лучше видѣть мѣсто, гдѣ сидѣлъ воръ.

— Ральфъ! вскричала вдругъ Мери, которая несмотря на его замѣчаніе, положила руку на его плечо, да ты насквозь мокрый! Что съ тобой? Ужь не ты ли былъ это?

— О мистеръ Ральфъ! вскричала въ свою очередь Бетти,— вода была холодна и ночь такъ свѣжа! Что я сдѣлала! Но увѣряю васъ, что мнѣ никакъ не пришло въ голову, что это были вы! Мнѣ такъ жаль теперь!

— Да я вижу это, пробормоталъ Ральфъ, и Мери кажется также очень меня жаль.

Онъ проговорилъ эти слова съ горечью, потому что на Мери напалъ неудержимый припадокъ смѣха.



о всякое другое время ей было бы жаль огорчить Ральфа, но теперь она очень обрадовалась тому, что страхъ ея оказался пустымъ и все это приключеніе представилось ей въ такомъ забавномъ видѣ, что она была не въ состояніи обуздать своей веселости.

Мистеръ Мильбурнъ сталъ распрашивать Ральфа объ этомъ странномъ приключеніи и Ральфъ разсказалъ ему все, нисколько не покушаясь утаить истины, хотя ему было не совсѣмъ по сердцу, что пришлось объясняться при Мери. Затѣмъ мистеръ Мильбурнъ прочелъ внуку нравоученіе о томъ, какъ неразсудительны и даже опасны такіе поступки, которые могутъ перепугать весь домъ и поднять суматоху.

— Могло бы случиться, сказалъ онъ, что вмѣсто ведра воды, въ воображаемаго вора выстрѣлилъ бы кто нибудь изъ ружья.

— О да, вскричала Бетти, которую мучила мысль о томъ, что она сдѣлала, хотя, по ея же собственнымъ словамъ, могло бы быть и хуже.

— Хорошо еще, что я схватила въ руки ведро съ водой, а не съ краской, которое рабочіе поставили тамъ же рядомъ съ нимъ,—въ испугѣ я не разбирала, что попалось мнѣ подъ руку!

Это предположеніе конечно не умѣрило расположенія Мери къ смѣху, но она предпочла уйти въ свою комнату, оставивъ Ральфа на попеченіе Бетти, которая говорила, что никогда во всю свою жизнь не будетъ въ состояніи ничѣмъ искупить своей вины передъ милымъ, дорогимъ мистеромъ Ральфомъ.

Мистера Мильбурна, который былъ чрезвычайно добръ, на слѣдующее утро взяло раздумье о томъ—не слишкомъ ли ужь онъ распекъ внука, потому что въ сущности поступокъ Ральфа былъ не болѣе, какъ обыкновенная дѣтская шалость. Мистеръ Мильбурнъ вообразилъ, что Ральфъ въ самомъ дѣлѣ имѣетъ склонность къ астрономіи и предложилъ ему заняться этой наукой подъ своимъ руководствомъ.

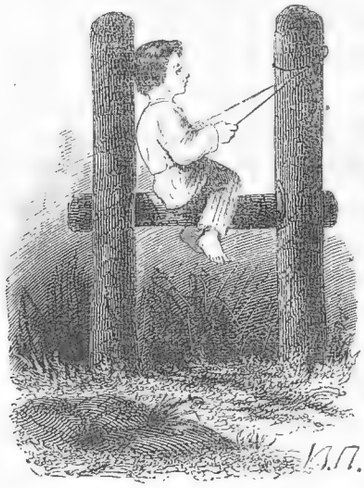
— Я самъ, прибавилъ онъ, всегда любилъ астрономію, и если ты въ самомъ дѣлѣ желаешь заняться ею, то мы начнемъ хоть сегодня же. Только предупреждаю тебя, что надо еще много читать и размышлять прежде, чѣмъ ты будешь въ состояніи извлекать пользу изъ наблюденій надъ звѣздами.

Ральфъ не хотѣлъ сказать дѣду, что вся его любовь къ астрономіи испарилась въ предшествующую ночь и когда въ библіотекѣ онъ взглянулъ на книги, необходимыя для того, чтобы начать занятія по этой части, у

него стало тяжело на сердцѣ при мысли, что очень трудно будетъ достигнуть величія на этомъ поприщѣ, а особенно послѣ такого унизительнаго начала.

Мистеръ Мильбурнъ скоро открылъ, что его внукъ вовсе не имѣлъ истинной наклонности къ изученію небесныхъ тѣлъ. Уроки астрономіи казались Ральфу очень скучны и сухи, и хотя дѣдъ часто давалъ ихъ внуку—они не приносили послѣднему никакой пользы.

Съ кузиной Мери Ральфъ сталъ не такъ уже откровененъ, какъ былъ прежде, до несчастной ванны. Хотя онъ сознавалъ, что никто его не понималъ такъ хорошо, какъ она,—но когда онъ начиналъ говорить съ ней о своихъ любимыхъ мечтахъ на счетъ своего будущаго величія,—на губахъ ея такъ часто появлялась лукавая усмѣшка и она такъ очевидно была расположена дѣлать ему намеки на счетъ того, какъ опасно наблюдать звѣзды, что Ральфъ рѣшился лучше ни съ кѣмъ не дѣлиться своими романическими мечтами, чѣмъ подвергать ихъ прозаическимъ замѣчаніямъ и лукавой насмѣшливости Мери.



Несмотря однако на неудачи, нашъ маленькій честолюбецъ не отказался отъ своихъ заблужденій.

Ральфъ заблуждался не въ томъ, что хотѣлъ превзойти другихъ людей и отличиться передъ ними;— эти стремленія были бы весьма справедливы и похвальны, потому что стремиться къ тому, что истинно высоко и что можетъ со временемъ принести пользу другимъ, свойственно только хорошимъ душамъ; — нѣтъ, его заблужденія состояли въ томъ, что онъ хотѣлъ достигнуть всего этого безъ труда, безъ необходимаго ученья, потому что прежде всего было необходимо просвѣтить и образовать самаго себя. Тщеславіе очень часто заставляетъ людей слѣдовать этимъ ложнымъ путемъ.

Возвратясь въ школу, Ральфъ Мильбурнъ вполнѣ предался своему прежнему образу мыслей и своимъ мечтамъ. Теперь онъ еще болѣе чѣмъ прежде отдалялся отъ своихъ товарищей и былъ сердечно радъ, что никто изъ нихъ не зналъ о происшествіи съ ведромъ воды.

— Настанетъ пора, размышлялъ онъ иногда самъ съ собою, когда всѣ они узнаютъ, что и я что нибудь да значу.

На слѣдующее лѣто, когда опять настали каникулы, Ральфъ отказался уже отъ намѣренія быть ученымъ и философомъ и составилъ новый, совершенно другой планъ для достиженія будущаго величія. Онъ вообразилъ себѣ, что можетъ прославиться, какъ путешественникъ, познакомясь съ различными странами. Какіе чудные разсказы о своихъ подвигахъ привезетъ онъ домой на удивленье непросвѣщеннымъ людямъ и какое возбудятъ они вниманіе людей образованныхъ! Онъ читалъ путешествія Мунго-Парка во внутренность Африки. Картинка, изображающая отважнаго путешественника съ копьемъ въ рукѣ, сидящаго на дикой, необузданной лошади,—сильно привлекла его вниманіе и опять воспламенила его воображеніе, представивъ ему всѣ опасности и славу подобной карьеры.

— Я думаю,—разсуждалъ Ральфъ, разсматривая эту картинку, — мнѣ бы не очень понравился этотъ длинный жирафъ, еслибъ я встрѣтился съ нимъ. Но онъ нарисованъ здѣсь, мнѣ кажется, только для эффекта, какъ необходимая принадлежность разсказовъ путешественниковъ. Вотъ напримѣръ, и я также, когда возвращусь домой, изъ какого нибудь дальняго путешествія, стану разсказывать моимъ слушателямъ:

Вообразите теперь, что па васъ вотъ въ

такомъ-то или въ такомъ-то мѣстѣ смотритъ жирафъ, чтобы вы тутъ сдѣлали?

Такимъ-то образомъ пустое тщеславіе заставляетъ иногда людей уклоняться отъ строгой истины и такъ велико въ иныхъ умахъ стремленіе чѣмъ нибудь отличиться, — что встрѣчаются люди, которые не могутъ разсказать о себѣ самихъ самой простой вещи, не преувеличивъ ее, если не совершенно исказивъ.

Мистеръ Мильбурнъ имѣлъ обыкновеніе каждую зиму и каждое лѣто, когда Ральфъ возвращался домой на праздники или на каникулы, давать ему небольшую сумму для его удовольствій. На этотъ разъ Ральфу захотѣлось, чтобы дѣдъ далъ ему за разъ тѣ деньги, которыя давалъ въ два раза, воображая, что ихъ будетъ достаточно, чтобы привести въ исполненіе планъ, который онъ забралъ себѣ въ голову, съ тѣхъ поръ, какъ вознамѣрился сдѣлаться путешественникомъ.

— Но, чтоже ты будешь дѣлать безъ денегъ зимой, когда настанутъ праздники? спросила его Мери, которой онъ по прежнему сообщилъ свой планъ.

— Я буду тогда уже на прямомъ пути къ величію и мнѣ не надо будетъ заботиться о деньгахъ, откровенно сказалъ бы Ральфъ, еслибы хотѣлъ быть откровеннымъ. Но лукавая усмѣшка уже мелькнула на губахъ Мери и онъ промолчалъ. Какъ она ни уговаривала его отложить свое намѣреніе до тѣхъ поръ, пока будетъ постарше, будетъ имѣть въ рукахъ болѣе средствъ къ выполненію его и болѣе познаній, чтобъ извлечь изъ него пользу въ научномъ отношеніи, Ральфъ и слушать не хотѣлъ. Мери напомнила ему, что вѣдь и у дѣда были въ отношеніи его свои намѣренія и планы.

Когда-то Ральфъ говорилъ, что хочетъ быть архитекторомъ. Мистеръ Мильбурнъ, чтобъ доставить ему удовольствіе, задумалъ построить домъ для деревенской школы и хотѣлъ начать въ продолженіе каникулъ. Отсутствіе Ральфа въ такое время лишало его возможности извлечь для себя пользу въ отношеніи архитектурныхъ познаній и кромѣ того было бы крайне непріятно дѣду, который былъ такъ добръ къ нему.

На всѣ эти доводы маленькій честолюбецъ отвѣчалъ презрительно, что его страсть къ архитектурѣ совершенно прошла и что онъ теперь столько же думаетъ о школьномъ домѣ, сколько о кроличьей клѣткѣ. Онъ не хотѣлъ больше ни о чемъ говорить, какъ только о своемъ путешествіи, которое онъ намѣрвался совершить пѣшкомъ по округу озеръ, въ сопровожденіи одного молодаго джентельмена, кошелекъ котораго былъ также тонокъ, какъ кошелекъ Ральфа.

Мери рѣшительно не могла понять, какимъ образомъ путешествіе къ озерамъ Англіи могло удовлетворить желаніе, возбужденное описаніями внутренности Африки. Но Ральфъ сказалъ ей, что это будетъ только начало, что по нему всѣ увидятъ, что онъ можетъ совершать и что въ Кумберландѣ и Истнорландѣ есть также высокіе холмы и большія озера, а самое главное то, что онъ теперь не можетъ ничего сдѣлать больше и что лучше это, чѣмъ ничего.

Не безъ труда выпросилъ Ральфъ у дѣдушки позволеніе пуститься въ путь.

Добрый старый джентельменъ зналъ, что это будетъ только безполезная трата денегъ, времени и можетъ быть даже здоровья; онъ также зналъ, что въ послѣдніе полгода онъ тѣшилъ себя мыслью о томъ, какъ много удовольствія и пользы принесетъ Ральфу постройка школы. Онъ хотѣлъ начать эту постройку подъ собственнымъ присмотромъ и назначилъ премію за самый лучшій планъ, въ тайнѣ надѣясь, что кандидатъ, который наиболѣе заслужитъ ее, будетъ его внукъ. Эта надежда была теперь совершенно уничтожена непреодолимымъ желаніемъ Ральфа выполнить свою новую затѣю. На всѣ убѣжденья, что это будетъ только напрасная трата денегъ, онъ нетерпѣливо отвѣчалъ, что дорога почти ничего ему не будетъ стоить, такъ какъ онъ

намѣренъ путешествовать пѣшкомъ. На счетъ того, что это будетъ трата времени и чтобы онъ лучше подождалъ, когда будетъ постарше и болѣе въ состояніи извлечь пользу изъ того, что увидитъ, онъ отвѣчалъ почти съ негодованіемъ, что это будетъ самое лучшее употребленіе времени и что куй желѣзо, пока оно горячо. Когда же ему говорили, что путешествіе можетъ повредить его здоровью, то онъ или молчалъ, или, что еще хуже, — строилъ презрительную мину.

Такъ какъ товарищъ, котораго избралъ Ральфъ, былъ очень хорошій молодой человѣкъ, достойный всякаго уваженія, то наконецъ нашему молодому искателю приключеній, дали разрѣшеніе пуститься въ путь. Мистеръ Мильбурнъ зналъ, что это путешествіе значительно было бы легче для Ральфа, еслибъ онъ взялъ для него мѣсто въ дилижансѣ, хотя на нѣсколько первыхъ станцій. Но такъ какъ Ральфъ захотѣлъ поступать наперекоръ совѣтамъ людей, которые желали ему добра, то мистеръ Мильбурнъ рѣшился допустить его до того, чтобы онъ испыталъ на себѣ всѣ послѣдствія своего упрямства.

И такъ въ одно жаркое, лѣтнее утро нашъ молодой путешественникъ всталъ въ пять часовъ. Въ первую минуту по пробужденіи, ему пришло въ голову, что было бы очень хорошо, если бы Мери спала еще, и чтобы она не приготовляла ему завтрака. Но когда онъ взглянулъ въ окно, то отъ травы, покрытой крупными каплями росы и отъ густой тѣни въ аллеяхъ — вѣяло такой прохладой, что желанія его измѣнились. Ему стало жаль, что Мери не будетъ его спутницей. Теперь ему показалось, что очень скучно пройдти одному нѣсколько миль до того мѣста, гдѣ онъ долженъ былъ встрѣтиться съ товарищемъ.

Что же касается до Мери, то ей было бы очень досадно, еслибъ она проспала и не приготовила Ральфу завтрака. Хотя она вовсе не одобряла его путешествія, но сдѣлала все, что было въ ея силахъ, чтобы облегчить его. Она позаботилась обо всемъ, въ чемъ могла ему встрѣтиться надобность дорогой. Но въ этомъ случаѣ она сдѣлала ошибку, которой иногда бываютъ подвержены добросердечные люди. У ней нашлось такъ много припасовъ, что всякій путешественникъ скорѣе согласился бы терпѣть голодъ и идти босымъ, чѣмъ тащить чудовищный саквояжъ и корзину, которые она приготовила.

— Это крошечная корзинка, сказала она Ральфу, ты можешь нести ее на рукѣ. Бутылка не вошла въ саквояжъ, башмаки мѣшаютъ и пирогъ.

— Какая такая корзинка, какая бутылка и пирогъ! вскричалъ Ральфъ съ досадой.

Онъ постоянно думалъ о важномъ значеніи путешественника и чтобъ не уронить своего достоинства, удержался отъ смѣха, хотя чрезвычайный объемъ туго набитаго саквояжа, передъ которымъ котомка странника, приготовленная имъ, казалась просто игрушкой, — при другихъ обстоятельствахъ непремѣнно вызвалъ бы у него улыбку.

— Какіе башмаки? продолжалъ онъ, вываливъ изъ саквояжа все на полъ. Ты, кажется, воображаешь, что я разнощикъ съ товарами. Я тебѣ тысячу разъ говорилъ, что мнѣ ничего не надо, кромѣ одной рубашки. Посмотри, какъ теперь саквояжъ ловко виситъ на спинѣ, прибавилъ нашъ герой, вертясь передъ зеркаломъ и воображая, что прекрасно поступилъ.

— Какъ! Ты не возьмешь ни цыпленка, ни языка? спросила Мери кротко.

— Цыпленокъ! языкъ! пирогъ! воскликнулъ Ральфъ съ глубокимъ презрѣніемъ. Какія у тебя понятія о путешественникахъ!

— По крайней мѣрѣ вотъ эту вещицу ты непремѣнно долженъ взять, сказала Мери, схвативъ съ полу маленькій пакетъ.

— Это что такое? спросилъ Ральфъ.

— Тутъ иголки и разные сорты нитокъ, отвѣчала она, и...

Она хотѣла было описать всѣ сокровища, заключающіяся въ пакетѣ, но вдругъ замолчала, потому что насмѣшливое презрѣнье, выразившееся на лицѣ ея двоюроднаго брата, убѣдило ее, что чѣмъ меньше она будетъ распространяться объ этомъ предметѣ, — тѣмъ лучше. Онъ снизошелъ даже до того, что выразилъ его словами, потому что до той минуты пока не началъ завтракать, ворчалъ сквозь зубы:

— Нитки и иголки! Какъ это мило, право!

— Да, нитки и иголки, возразила Мери нѣсколько пріободрясь, ихъ не тяжело нести. Въ дорогѣ можетъ оборваться у тебя пуговица или можешь зацѣпить за что нибудь, разорвать одежду и тогда тебѣ придется платить, чтобъ тебѣ починили. Ты долженъ помнить, что меня вѣдь не будетъ съ тобой.

— Я бы желалъ, чтобы ты пошла со мной, сказалъ Ральфъ, котораго горячій кофе и хорошій завтракъ привели въ лучшее расположеніе духа.

— О милый Ральфъ! воскликнула Мери смѣясь, вотъ ужь что касается до этого — то поручусь тебѣ, что этого не будетъ.

И однако, когда она вышла съ нимъ на дорогу и они пошли мимо полей, — когда она почувствовала благоуханіе цвѣтовъ и услыхала надъ своей головой веселое щебетанье птичекъ, которыя точно будто справляли какой нибудь праздникъ, — то не могла удержаться отъ мысли, столь свойственной счастливой и здоровой молодости, что какъ бы хорошо было пойти куда нибудь въ такую погоду. Куда именно, объ этомъ она не заботилась.

— Ты побережешь мою собаку, сказалъ Ральфъ, когда они дошли до изгородки, гдѣ имъ надо было разстаться.

Мери тотчасъ же взяла на руки собаку и крѣпко прижала ее къ груди.

— Ты возьмешь мой пакетъ съ иголками и нитками, сказала она въ свою очередь.

Ральфъ безъ малѣйшаго уже признака презрѣнья положилъ пакетъ въ саквояжъ и, дружески простившись съ Мери, пошелъ одинъ по большой дорогѣ.

Мери нѣсколько минутъ простояла на одномъ мѣстѣ, смотря на удаляющагося Ральфа и держа на рукахъ собаку, которая рвалась за своимъ хозяиномъ! Можетъ быть, въ эти минуты Мери сожалѣла о томъ, что не она была спутницей Ральфа. Она, не меньше его, любила приключенія, только ея родители были бѣдны и она научилась съ раннихъ лѣтъ отказывать себѣ въ томъ, что они находили безразсуднымъ, такъ что ей вовсе не было трудно управлять своими желаніями.

Она возвратилась домой съ веселымъ лицомъ, какъ и всегда, и застала своего дѣда за завтракомъ.

утешествовать пѣшкомъ по среди живописныхъ видовъ весьма пріятно. Но на большой дорогѣ совершенно другое дѣло. Мы избавимъ честолюбиваго мальчика отъ унизительнаго для него разсказа о томъ, какъ длинна показалась ему дорога до тѣхъ поръ, пока онъ встрѣтился съ товарищемъ, какъ было жарко, какъ его башмаки наполнились крупнымъ пескомъ, какъ ремень отъ саквояжа теръ ему шею и какъ всѣ лошади и экипажи, проѣзжавшіе мимо, обдавали его усталаго пылью съ головы до ногъ.

При такихъ обстоятельствахъ очень естественно смотрѣть — полны или нѣтъ проѣзжающіе экипажи и, глядя на сидящихъ въ нихъ, эгоистически размышлять о томъ, какъ было бы хорошо, еслибъ нашелся между ними какой нибудь добрый человѣкъ, который предложилъ бы усталому путнику свое мѣсто, а самъ пошелъ бы вмѣсто него пѣшкомъ по большой дорогѣ. Такъ было и съ Раль-

*

фомъ. Но всѣ эти размышленія не привели его ни къ чему. Не нашлось ни одного добродушнаго джентельмена, ни одной сострадательной леди, которые рѣшились бы принести такую жертву. Когда онъ дошелъ до назначеннаго мѣста, то самолюбіе его не мало пострадало оттого, что товарищъ ждалъ его уже около получаса и что самъ онъ рѣшительно не могъ идти дальше въ этотъ день.

— Это плохое начало, сказалъ ему товарищъ не совсѣмъ утѣшительнымъ тономъ,— потому что для него потеря времени и денегъ были равно цѣнны, а усталость ничего не значила въ сравненіи съ цѣлью, къ которой онъ стремился. Затѣмъ онъ спросилъ Ральфа, что онъ намѣренъ дѣлать?

— Я сперва хочу поѣсть, напиться и снять башмаки,- а потомъ уже скажу вамъ, что намѣренъ дѣлать, отвѣчалъ Ральфъ.

— Прошу васъ извинить меня, возразилъ молодой человѣкъ, но вы должны рѣшить прежде. Что бы ни дѣлали вы, но я-то долженъ быть въ Бекстонѣ сегодня къ ночи. Завтра по утру я начинаю мои геологическія изслѣдованія и если вамъ угодно взглянуть на планъ нашего путешествія, то вы увидите, что уклоненіе отъ него только на одинъ день подъ конецъ составитъ большую разницу и невозвратимую потерю времени.

Онъ развернулъ листъ бумаги, на которомъ планъ путешествія былъ весь означенъ съ величайшею точностью, и подалъ его Ральфу.

— Въ Бекстонъ сегодня къ ночи, воскликнулъ Ральфъ, жалобнымъ голосомъ, тщетно стараясь напялить на себя башмаки, безъ которыхъ сидѣлъ уже около получаса. — Для меня во всякомъ случаѣ объ этомъ не можетъ быть и рѣчи.

— Въ такомъ случаѣ, я боюсь, сказалъ его товарищъ, вынимая часы, очень боюсь, что мнѣ придется идти безъ васъ. Но вотъ что: бекстонскій дилижансъ ѣздитъ этой дорогой, если вы завтра поѣдете въ немъ, то можете догнать меня.

Ральфъ, пока надѣвалъ башмаки, придумалъ, что дѣлать.

Замѣтимъ мимоходомъ, что башмаки были новые. Ничто ему не казалось теперь такъ ужасно, какъ пройдти въ нихъ еще нѣсколько миль, послѣ столь краткаго отдыха. Онъ рѣшился переночевать въ гостинницѣ и ѣхать на другой день въ дилижансѣ. Конечно, это была трата денегъ, но выбирать было не изъ чего.—Онъ не могъ идти, товарищъ его не могъ ждать.

Провести нѣсколько часовъ въ крестьянской хижинѣ или въ разбойничьей пещерѣ, или наконецъ пострадать въ какомъ нибудь необыкновенномъ приключеніи, все это до нѣкоторой степени приходило еще въ голову Ральфа, когда онъ пускался въ путь. Но испытать остановку въ самомъ началѣ своей карьеры ученаго не изъ-за чего другаго, какъ только изъ-за своихъ собственныхъ, новыхъ башмаковъ, и ночевать въ простой, обыкновенной гостинницѣ на большой дорогѣ, по его понятіямъ совершенно уже выходило изъ колеи того величія, котораго онъ все-таки надѣялся достигнуть.

Этотъ первый опытъ убѣдилъ Ральфа, что для него было невозможно совершить все путешествіе пѣшкомъ, такъ что, когда онъ сошелся опять со своимъ товарищемъ, то попытался уговорить его продолжать путь до озеръ въ дилижансѣ. Геологъ не соглашался на это. Онъ не могъ расходывать на путешествіе болѣе назначенной суммы и такъ какъ онъ легко переносилъ усталость, то находилъ, что было бы несправедливо, еслибъ отказался отъ своего первоначальнаго плана потому только, что Ральфъ не могъ продолжать дороги пѣшкомъ. Онъ высказалъ все это очень откровенно Ральфу. Самолюбіе нашего героя было уязвлено тѣмъ, что взрослый человѣкъ видѣлъ въ немъ препятствіе для себя, но онъ не могъ не сознаваться, что товарищъ его правъ, и, не долго думая, предложилъ заплатить за мѣсто для него въ дилижансѣ. Товарищъ послѣ минутнаго раз-

думья согласился. Всѣ въ околодкѣ знали, что Мильбурны очень богаты и молодой человѣкъ, принимая предложеніе нашего героя, очень хорошо зналъ, что ему стоитъ только по возвращеніи попросить денегъ у дѣда и все дѣло уладится, какъ нельзя лучше.

Вообразите теперь нашего честолюбца, сидящаго на крышѣ дилижанса, подлѣ товарища, и несущагося въ облакахъ пыли по большой дорогѣ. Ральфъ воображалъ, что разодолжилъ товарища, и эта мысль наполняла его сердце гордостью такъ, что онъ началъ уже смотрѣть на все съ высока. Затѣмъ вообразите его плывущаго въ лодкѣ по прекрасному Дерунтуотерскому озеру. Онъ прислушивается къ эхо, которое семь разъ повторяется на берегу, любуется живописными холмами и скалами, которые такъ красиво обрамливаютъ берега озера. Между ними самая примѣчательная носитъ названіе орлиной скалы. Для нашего юнаго путешественника это названіе придаетъ ей особенную прелесть, такъ какъ оно произошло оттого, что на ея почти, недоступной вершинѣ орлы вьютъ себѣ гнѣзда. Но главнымъ пунктомъ, куда стремился Ральфъ, былъ Лаудорскій водопадъ. Онъ ждалъ отъ него сильныхъ и возвышенныхъ ощущеній. Напрасно товарищъ неоднократно предупреждалъ его, чтобъ онъ не разставался съ нимъ, и особенно чтобы не уклонялся отъ назначеннаго пути.

— Величіе, думалъ Ральфъ про себя, всегда достигается по среди одиночества.

И вслѣдствіе этаго разсужденія онъ оставилъ товарища и полѣзъ на скалу, стоявшую въ самомъ опасномъ мѣстѣ близь водопада. Онъ нисколько не сомнѣвался, что достигнетъ ея вершины и сойдетъ съ нея по тропинкѣ, по которой не всякій рискнулъ бы идти. Онъ забылъ только принять въ разсчетъ то, что вовсе не имѣлъ привычки лазить по скаламъ и что не былъ даже достаточно силенъ для этого. Кромѣ того онъ никогда не видалъ такого огромнаго водопада. Его бѣлая пѣна, которая разбивалась о скалы и падала въ бездну, и подобный грому шумъ до того смутили Ральфа, что на него напалъ безотчетный ужасъ. Онъ съ радостью отдалъ бы нѣсколько послѣднихъ шиллинговъ, которые еще оставались въ его кошелькѣ, за то, чтобы былъ подлѣ него въ эти минуты опытный и надежный проводникъ. Напрасно звалъ онъ своего товарища. Его голосъ былъ похожъ на чириканье воробья посреди шума, свиста и грохота воды. Напрасно пробовалъ онъ вернуться назадъ. Каждый разъ, какъ онъ смотрѣлъ внизъ, клокочущая пропасть наводила на него такой страхъ, что онъ торопливо подымался все выше и выше, точно будто бѣжалъ отъ преслѣдующаго его непріятеля.

Но что это вдругъ случилось съ нимъ? Бѣдный Ральфъ наступилъ на отломленный сучекъ и поскользнулся. Чтобъ удержаться, онъ схватился за сухую, древесную вѣтку,— вѣтка хрустнула въ его рукѣ и онъ полетѣлъ внизъ. По счастью, онъ упалъ не въ воду, но такъ близко отъ нея, что у него занялся духъ отъ страха и онъ ощупалъ себя, чтобы убѣдиться, что живъ, прежде чѣмъ осмѣлился опять встать на ноги.

Но что это опять съ нимъ? Отчего онъ не спѣшитъ сойдти съ опаснаго мѣста, близь воды?

Зачѣмъ онъ стоитъ тутъ такъ долго и осматриваетъ свое платье? Увы! Въ этомъ несчастномъ и жестокомъ паденіи случилось съ нимъ непріятное обстоятельство,— весьма оскорбительное для его достоинства. Платье его было изодрано. Помочь этому горю могъ только какой-нибудь портной, еслибъ у Ральфа были деньги, чтобъ заплатить ему. Это непріятное обстоятельство до того поразило его, что онъ забылъ уже думать о страхѣ, какой внушалъ пѣнящійся водопадъ, и дорога внизъ показалась ему теперь вовсе не такъ уже трудна и опасна, какъ онъ думалъ прежде. Онъ рѣшился сойти и вскорѣ сидѣлъ уже въ безопасномъ мѣстѣ на зеленомъ берегу подъ тѣнью дерева

прямо противъ водопада. Передъ нимъ былъ самый очаровательный видъ. Но Ральфу было не до того, чтобы любоваться имъ. Онъ горько сожалѣлъ о томъ, что отказался взять маленькій пакетъ, которымъ Мери хотѣла снабдить его. У него совсѣмъ вылетѣло изъ головы,— что при прощаніи онъ взялъ-таки наконецъ этотъ пакетъ.

— О! воскликнулъ онъ почти съ отчаяніемъ, еслибъ у меня были только иголка да нитка!

Положеніе его въ самомъ дѣлѣ было крайне непріятно. Еслибъ онъ даже пришелъ въ городъ Кезвикъ въ изорванномъ платьѣ, то все-таки у него не было чѣмъ заплатить портному. Теперь онъ очень сожалѣлъ о томъ, что истратилъ всѣ свои деньги. Конечно онъ могъ бы занять у товарища, но каково же было обратиться къ нему съ этой просьбой послѣ того, какъ Ральфъ не разъ повторялъ ему, что для него ничего не значитъ заплатить въ дилижансѣ за мѣста для обоихъ,— что онъ и сдѣлалъ въ конторѣ, выказавъ при этомъ случаѣ не мало хвастливости.

Пока эти унизительныя для достоинства Ральфа размышленія вертѣлись у него въ головѣ, онъ рѣшился тщательно осмотрѣть каждый уголокъ въ своихъ карманахъ,—не найдется ли въ нихъ хоть кой-какая ниточка или шнурочекъ? Вдругъ—представьте себѣ его восторгъ! — онъ нашелъ въ карманѣ маленькій пакетъ и въ немъ хорошія крѣпкія нитки, черныя и бѣлыя.

Какъ въ самомъ дѣлѣ была предусмотрительна Мери, что положила черныя. Какъ это пришла ей въ голову такая прекрасная мысль!

Торопливо началъ онъ выбирать самую большую иголку.

— Можетъ быть, подумалъ онъ, въ боковомъ карманѣ мѣшечка найдется иголка еще потолще.

И вдругъ вмѣсто иголки ему попалась въ руку какая-то бумажка. — Чтобы это такое еще положила Мери? Что за бумажка? подумалъ онъ.

Онъ развернулъ ее и къ величайшей своей радости она оказалась ассигнаціей въ пять фунтовъ стерлинговъ. Эта ассигнація дала возможность Ральфу возвратиться домой, если не окруженному ореоломъ величія, то по крайней мѣрѣ въ болѣе приличномъ видѣ, чѣмъ бы онъ возвратился въ разорванномъ платьѣ, и избавила его отъ униженія занимать деньги у товарища.

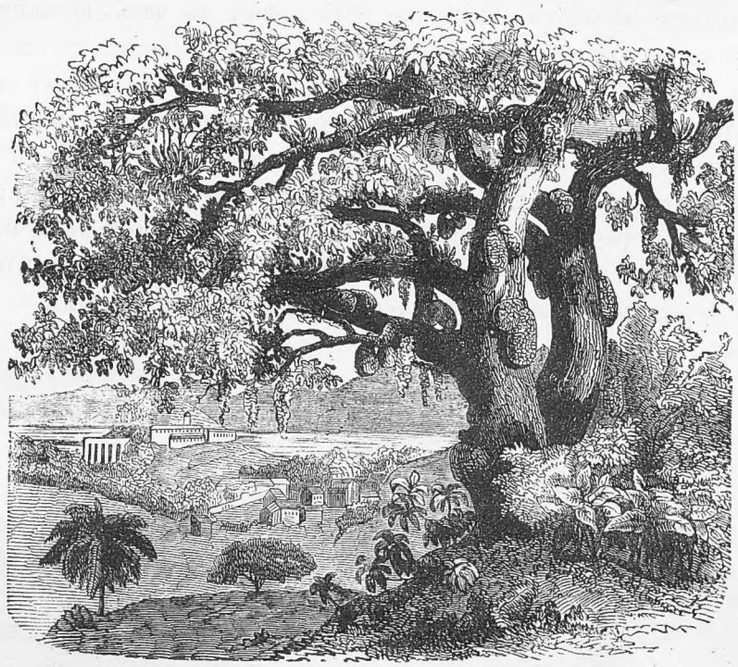
Путешествіе это подарило ему нѣсколько уроковъ полезной опытности и значительно поубавило въ немъ самоувѣренность и надменность.

Между тѣмъ, пока онъ путешествовалъ, домъ для школы начали уже строить. Много плановъ было принесено на разсмотрѣніе его дѣду. Но кандидатомъ, получившимъ премію, оказался сынъ бѣднаго, деревенскаго плотника. Этотъ мальчикъ, благодаря своему серьезному поведенію, прилежанію и правильному употребленію своихъ способностей — стоялъ нравственно несравненно уже выше Ральфа, потому что, не смотря на свою молодость, приносилъ свою долю пользы въ общую сокровищницу человѣческаго труда.

С. Соболевская.

ХЛѢБНОЕ ДЕРЕВО.

Не смотря на то, что о хлѣбномъ деревѣ не рѣдко было говорено въ описаніяхъ многихъ путешествій, предпринятыхъ въ былыя времена вокругъ свѣта, но особенное вниманіе начали обращать на него только нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, послѣ разсказовъ нѣкоторыхъ изъ англійскихъ моряковъ, останавливавшихся у береговъ Отаити и другихъ острововъ Остъ-Индіи.



Хлѣбное дерево.

Знаменитый англійскій путешественникъ капитанъ Кукъ, въ разсказахъ о своихъ путешествіяхъ, говоритъ, что плоды хлѣбнаго дерева служатъ обитателямъ Бразиліи, Гвіанны, Отаити и др. земель, не только вмѣсто хлѣба, но составляютъ самую существенную часть ихъ пищи.

Хлѣбное дерево походитъ на дубъ средней величины; листья его продолговаты и имѣютъ до полутора футъ длины. По своему внѣшнему виду они походятъ отчасти на листья фиговаго дерева: имѣютъ такіе же узорчатыя выемки или вырѣзки, почти одного цвѣта съ ними, точно также плотны и содержатъ въ себѣ такую же молочнаго цвѣта жидкость, которая вытекаетъ при разламываніи листа. Плодъ хлѣбнаго дерева почти одной величины и формы съ небольшой дыней, поверхность его бугорчата; онъ весь покрытъ тонкой кожицей и имѣетъ сердцевину весьма схожую съ рукояткой ножа средней величины. Та часть, которую можно употреблять въ ѣду, находится между кожицей и сердцевиной; часть эта бѣла какъ снѣгъ и напоминаетъ собою свѣжій бѣлый хлѣбъ, но передъ тѣмъ, чтобы ѣсть, ее надо изрѣзать и изжарить. Вкусъ ея приторно-сладкій.

Когда хлѣбный плодъ варятъ въ печкѣ, то онъ дѣлается похожимъ на картофель средняго качества. Изъ него дѣлаютъ три различныхъ блюда: обливаютъ водой или кокосовымъ молокомъ, сбиваютъ и потомъ мѣшаютъ съ бананами и т. п. мѣстными фруктами, или же приготовляютъ кислое тѣсто, называемое *маи*. Для приготовленія этаго тѣста, плоды хлѣбнаго дерева собираются

незрѣлыми, складываются въ кучи и тщательно покрываются листьями. Въ этомъ положеніи они начинаютъ киснуть и пріобрѣтаютъ сладкій вкусъ; потомъ изъ нихъ вынимается цѣликомъ вся сердцевина, а остатки кладутся въ нарочно устраиваемыя и вырытыя въ домахъ ямы. Ямы эти обкладываются по бокамъ травой; когда онѣ полны, то ихъ закрываютъ листьями и тяжелыми камнями.

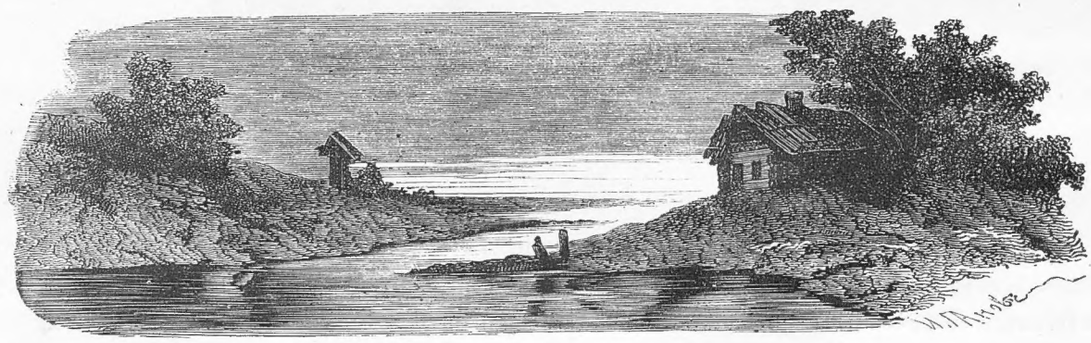
Въ такомъ положеніи плоды подвергаются вторичному броженію, послѣ чего, совершенно окиснувъ, они остаются невредимыми въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Вынимаютъ ихъ постепенно, по мѣрѣ надобности и, сдѣлавъ изъ нихъ твердое тѣсто, завертываютъ ихъ въ листья и пекутъ. Приготовленное такимъ образомъ тѣсто *маи* сохраняется въ теченіи 5 или 6-ти недѣль — его ѣдятъ холоднымъ или горячимъ. Туземные жители рѣдко обходятся безъ означеннаго тѣста, тогда какъ европейцамъ вкусъ его кажется непріятнымъ.

Плоды хлѣбнаго дерева, не превращенные въ тѣсто, не портятся и не пропадаютъ съ дерева въ теченіи 8-ми мѣсяцевъ, послѣ чего они замѣняются *маи*.

Собираніе этихъ плодовъ не представляетъ счастливымъ мѣстнымъ жителямъ большихъ затрудненій. Изъ прилагаемой картинки видно, что плоды разбросаны по всему стволу хлѣбнаго дерева, почему для собиранія ихъ нужно только влезть на него.

Конечно, хлѣбное дерево выростаетъ не внезапно, но если кто либо насадитъ десять подобныхъ деревъ, что можетъ произойти не болѣе, какъ въ часъ времени, то онъ обезпечитъ продовольствіе не только себѣ и семейству, но и будущимъ поколѣніямъ: до того плодовиты бываютъ хлѣбныя деревья. Въ этомъ легкомъ способѣ добыванія себѣ необходимаго пропитанія и кроется главнымъ образомъ начало той лѣни и праздности, которымъ предаются жители Отаити и другихъ остъ-индскихъ острововъ.

С.



Редакторъ-издательница М. Ростовская.

Дозволено цензурою, 5-го мая 1869 г. С.-Петербургъ, типографія Майкова, въ д. Мин. Финан., на Дворц. площади.